

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ШВЕЙЦАРЕЦ

Лучший мир

Швейцарец

Роман ЗЛОТНИКОВ

Швейцарец. Лучший мир

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Швейцарец. Лучший мир / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2019 — (Швейцарец)

Сначала Алекс Штрауб переместился в пространстве. Из бывшего СССР – в Западную Европу. А потом ему пришлось совершить путешествие сквозь время из Европы XXI века в довоенный СССР. Он неоднократно пытался сделать будущее лучше. Однако «Закон разрушающего касания Алекса» неумолим. Герой не смог предотвратить ни Великую Отечественную, ни перестройку. Но главное – не сумел спасти собственную семью. В третьей книге цикла Алекс вновь отправляется в прошлое, на сей раз с грандиозным замыслом – совершить «ход конем» и перенести в будущее самого товарища Сталина. Может быть, это поможет переломить упрямый ход истории?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Злотников

Швейцарец. Лучший мир

© Злотников Р.В., 2019

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

– Мой фюрер, все мы собрались здесь для того, чтобы поздравить вас с вашим триумфом! Да-да – вашим! – Худой, маленький человек в шикарном двубортном пиджаке резко вскинул руку ладонью вверх, объявляя этим жестом, что не приемлет никаких возражений.

– Да, я знаю, что вы с присущей вам скромностью будете настаивать на том, что это наш общий триумф! И что каждый из собравшихся здесь внёс свою долю труда в то, чтобы этот день настал. Но это не так! Вы, и только вы – архитектор нашей победы! Да, мы все так или иначе причастны к тому, чтобы это произошло, но именно ваша железная воля и острый ум позволили разрозненным усилиям тысяч людей добиться...

Эмиль Мориц, сидевший справа от Гитлера, слегка сморщился и, протянув руку, ухватил наполовину опустошённый «масс». Ну не любил он долгих славословий. Хотя, надо признаться, этот коротышка вещал очень складно. Народу явно нравилось.

Они собрались в этой пивной, чтобы отметить крайне важное событие – принятие рейхстагом «Закона о чрезвычайных полномочиях». Этот закон развязывал руки истинным патриотам Германии, освобождая их от всяких казуистических пут, на которых веками паразитировали разные уроды, существенная часть которых к тому же была евреями, и давал возможность патриотам сосредоточиться на настоящих делах на благо страны и народа... Здесь были только свои. Ну как свои... стопроцентно своими Эмиль мог считать, пожалуй, только Юлиуса Шрека и Йозефа Бертольда. Все они начинали вместе с Гитлером ещё на заре двадцатых. И с тех времён не предали и не подвели ни друг друга, ни самого фюрера. Недаром именно на базе их восьмёрки и зародились «Шуцштаффель» – отряды охраны, или, как их ныне переименовали любители всё сокращать, – «SS»...

То есть сначала их было больше. Первый отряд, в который они вступили, именовался «Stabswache» (штабная охрана). Чуть позже Гитлер поручил Юлиусу и Йозефу расширить их команду, набрав крепких ребят, способных постоять за правду и выдержать хорошую драку. Так появился «Stoßtrupp Adolf Hitler» (Ударный отряд Адольф Гитлер). Но в двадцать третьем начались трудности. Им пришлось через многое пройти. Драки с «красными», аресты, перестрелки... Один из них, Ульрих Граф, в мае двадцать третьего даже принял на себя пулю, предназначавшуюся фюреру. О чём Гитлер, кстати, никогда не забывал... Да что там говорить о них, если в застенки бросили и самого Адольфа! Он вышел на свободу только в ноябре двадцать четвёртого. И вот тогда-то и стало ясно, на кого можно положиться, а кто простой горлопан и трус. Из всех «ударников» лишь восемь человек не предали того дела, которому поклялись служить. И вновь встали вокруг фюрера нерушимой стеной. Чтобы старина Адольф мог сосредоточиться на борьбе за светлое будущее для всех немцев, не опасаясь за свою жизнь. Остальные же из тех, кто сидел за этим столом... Конечно, у них были заслуги перед народом и партией, но разве можно считать своим этого борового Геринга? Или его выкормыша Далюге? Или педераста Рёма? Ну какие они свои? Так – попутчики... На месте Гитлера он бы и близко их к партийным делам не подпускал. Впрочем, это не его дело. Об этом пусть голова болит у фюрера. Эмиль же будет по-прежнему крутить баранку да подставлять свою грудь, заслоняя своего старого соратника и вождя от вражеских ножей, дубинок и пуль, если в этом возникнет нужда.

– ...хайль Гитлер! – воодушевлённо пролаял коротышка, наконец-то закончив свою пафосную речь.

Морис, только сделавший глоток, едва не поперхнулся пивом, но, едва успев набрать воздух в лёгкие (чтобы проорать вместе со всеми привычное «Зиг хайль!»), замер. Потому что с улицы вдруг раздался громкий звук пистолетного выстрела.

Да что там Эмиль – все замерли, подавившись криком и растерянно переглядываясь. Кто?! Как?! Кому вообще могло прийти в голову стрелять рядом с пивной, набитой штурмовиками?! Тем более в Берлине – городе, который был под их полным контролем. Ведь когда в рейхстаге голосовался тот самый закон, его здание было плотно окружено отрядами SA. И ни одна сволочь не посмела вякнуть что-то против... И где, в конце концов, охрана у входа? А в следующее мгновение всё завертелось: Шрек и Бертольд одновременно бросились на фюрера и, закрыв его своими телами, поволокли в сторону стойки, за которой, как они знали, был второй выход из зала пивной. Сам же Морис свирепо взревел и, выхватив пистолет, кинулся к дверям, сопровождаемый доброй дюжиной добровольных помощников. Ну ещё бы – народ в пивной собрался сегодня боевой и опытный...

До дверей оставалось ещё пара шагов, когда снаружи раздалась целая серия выстрелов. Причём, если первый выстрел не проявил себя внутри таверны кроме как звуком, эта серия явно показала всем присутствующим, что стрелок шутить не намерен.

– Дах-дах-дах-дах!

Эмиль бросился на пол и откатился в сторону. Чёрт, стрелок явно был не новичком. Так ровно положить пули по верхнему обрезу дверей надо уметь! У неопытного стрелка руку при выстреле часто подкидывает вверх, тут же все дырки были выстроены как по линейке. Да и скорость, с которой он выпускал пули, также впечатляла. Следовательно, лезть на рожон в надежде взять стрелка нахрапом было неразумно. Морис оглянулся. Вся таверна оказалась заполнена залёгшими людьми, умело укryвшимися за любыми мало-мальски пригодными для этого предметами. Даже Толстый Герман умудрился укryть своё пузо за опрокинутой лавкой. А этот коротышка Геббельс вбил своё тщедушное тельце в дальний угол, спрятавшись за камином. Эмиль усмехнулся и-и-и... почувствовал на губах солоноватый привкус. Он недоумённо провёл рукой и озадаченно уставился на красную полосу на пальцах. Щепкой, что ли, задело? В этот момент дверь пивной распахнулась и внутрь просунулась голова в кепи штурмовика. Морис тут же вскинул пистолет, беря голову на мушку, но сразу не выстрелил. И правильно. Похоже, это всё-таки оказался свой.

– Что там случилось, Клаус? – проревел Рём. Ну да – внешнюю охрану таверны осуществляли его ребята.

– Там это... – смущённо промямила голова. – Красная графиня...

Глава 1

В дверь кабинета Алекса негромко постучали, после чего она распахнулась и пожилая, но весьма ухоженная дама заглянула внутрь и спросила:

– Monsieur Alexander, bébé endormi, demain, comme d’habitude?¹

– Oui, madame Valerie², – отозвался тот, отрываясь от экрана. – Comment s’est-il endormi?³

– Il parlait encore de maman⁴, – вздохнула дама, после чего поинтересовалась: – Je devrais peut-être acheter quelque chose?⁵

– Non, pas besoin de quoi que ce soit⁶, – Алекс отрицательно мотнул головой.

– Alors au revoir⁷. – Мадам Валери попрощалась и аккуратно прикрыла дверь. Невольный отец-одиночка ещё несколько мгновений пялился на закрывшуюся дверь, после чего тяжело вздохнул...

В первое мгновение после перехода Алекс испуганно заорал, стиснув сына и прижав его к груди. В голове метались дикие мысли. Что? Как? Почему?! Зачем, заче-е-е-ем... Эрика толкнула их в портал? Хотела убить Ваньку? Чушь! Она очень любила сына. Алекс знал это точно. Когда Эрика возилась с ним, её лицо всегда сияло таким счастьем... Тогда зачем?! Ведь она же прекрасно знала... А потом до него дошло, что она ни хрена не знала об опасности портала. Он... баран! Идиот! Дебил! Ничего ей не рассказал. К слову не пришлось, да и волновать лишний раз не хотелось. Женщины же временами такие мнительные. Мол, если портал убивает людей, то и ему самому тоже может грозить опасность. Вот она и решила... а что она решила? Отправить сына в безопасность? А почему не пошла сама? Ведь Зорге стоял у дальней стены... То есть он *специально*... Да хрен! Ему-то откуда знать, что Алекс умудрился не предупредить Эрику об опасности прохождения портала любым человеком, кроме него самого.

– Папа?!

Алекс вздрогнул и неверяще уставился на сына. Тот был... жив!!! Чёрт, как?!

– Мама де? – озадаченно поинтересовался Ванька, настороженно косясь на скальную стену, скрывающую потухший портал.

– Мама... – Алекс почувствовал, что у него запершило в горле. Блин, и что отвечать?

– Мама... она... ей понадобилось уехать. По работе. Мы с тобой пока побудем одни. Хорошо?

– Ошо, – согласно кивнул Ванька и сладко зевнул. Потом поёрзал у Алекса на руках и уснул, положив голову ему на плечо. Алекс же нервно огляделся. Ладно, с этой загадкой будем разбираться позже. Сейчас стоит сосредоточиться на более насущных опасностях. Не хотелось бы, чтобы их с сыном застал врасплох какой-нибудь «Арам с пистолетом».

Дом явно выглядел жилым, потому что в нём было чисто и тепло, а мебель и предметы обихода типа тёплой шкуры на полу, заменявшей ковёр, – свежими и незамызганными. Но никаких хозяев не объявилось. И вообще, никаких следов присутствия кого бы то ни было не просматривалось – ни брошенных книг, ни смятых покрывал, ни какой-нибудь чашки или стакана, забытых на столике. Всё чисто и аккуратно. У Алекса даже возникла ассоциация с шале, подготовленным под сдачу. Ну, типа тех, что предлагаются на всяких там Airbnb...

---

¹ Господин Александр, ребёнок уснул, завтра как обычно? (фр.)

² Да, мадам Валери (фр.).

³ Как он засыпал? (фр.)

⁴ Опять вспоминал маму (фр.).

⁵ Может, нужно что-то купить? (фр.)

⁶ Нет, ничего не нужно (фр.).

⁷ Тогда до свиданья (фр.).

Поприслушивавшись ещё с минуту, он на цыпочках подошёл к стоящему у дальней стены дивану и аккуратно положил на него сына. После чего ещё раз огляделся и прислушался. Уже с другой точки. Похоже, никого. Может, действительно в доме никто не живёт и его держат под сдачу? Если так, то удачно, что они попали именно в тот момент, когда никто ещё не заехал. Ладно, сначала стоит точно убедиться, что в доме на самом деле никого нет, а затем заняться коррекцией планов, с учётом того, что он оказался в этом будущем не один, а с ребёнком.

Осмотр дома принёс разочарование в собственных аналитических способностях. Шале было жилым. Причём жило в нём полтора десятка человек. Просто в настоящий момент они куда-то уехали... А вот причина этого отъезда оказалась крайне неожиданной. То есть совсем всё прояснилось гораздо позже, когда Алекс уже обустроился и смог заняться основательным выяснением всех нюансов, но первый и очень жирный намёк был получен ещё тогда. Причём намёк этот отыскался в том месте, с которого осмотр и начался... Это было письмо, обнаружившееся в главном зале, на небольшом столике, оформленном как... ну-у... чёрт, да хрен его знает как это обозвать... алтарь, что ли?

Письмо оказалось написано неровным детским почерком. А адресатом, к его собственному удивлению, оказался... Алекс. Ну или кто-то, кто принял его имя:

«Дорогой князь До'Урден, мы, дети приюта «До'Урден», очень благодарны тебе за то, что ты нам помогаешь. Мы все хорошо учимся, слушаем наших нянь и заботимся о твоём доме. Он нам очень нравится, и мы жалеем, что ты можешь бывать в нём только один день в году. И чтобы тебе было не скучно, мы приготовили угощение. Пирог. А ещё мы собрали тебе немного денег и хотим, чтобы ты сам купил себе подарок, какой ты только захочешь. Чтобы ты весь следующий год вспоминал нас в твоём княжестве под землёй и не скучал». Далее шёл список из одиннадцати детских имён и фамилий с их подписями и разными смешными рисунками в виде рожиц, звёздочек, цветочков и всего такого прочего. Алекс изумлённо прочитал это послание несколько раз подряд, но понять что-то, кроме того, что в доме никого нет, а пирог и деньги предназначены именно ему, так в тот раз и не смог. Слишком большой сумбур царил в тот момент в его голове...

Пирог оказался на месте. Как и шестьдесят семь швейцарских франков монетами и мелкими купюрами. Что было весьма кстати... Нет, в принципе, технология легализации у него была уже давно отработана – после стольких-то тактов... так что он имел при себе достаточно средств, чтобы обеспечить первоначальные траты. В основном в золотых монетах царской чеканки. Но это было именно золото. Причём обезличенное. А соваться туда, где его можно было поменять на современные деньги, без предъявления документов с ребёнком на руках – означало подставляться по полной. Так что деньги текущего варианта реальности на то, чтобы ребёнку хотя бы воды и булочку купить, оказались очень к месту. Алекс задумался... Ладно, будем надеяться, что в современных торговых центрах имеются детские игровые комнаты, где можно оставить ребёнка на пару-тройку часов под присмотром персонала. А этого времени ему вполне хватит на то, чтобы мотануться до тех мест, где можно по-быстрому обменять золото и сделать самые неотложные покупки. Те же памперсы, блин.

Ещё одним очень важным бонусом оказался «незапаролённый» комп в его бывшем кабинете, ныне ставшем, судя по всему, кабинетом директора приюта. За компом Алекс просидел почти всю ночь...

Новый вариант реальности оказался вполне себе дружелюбным, очень близко повторяя его «изначальную». «Шенген»⁸, соцсети и-и-и... снова распад СССР. Но разбор причин этого Алекс отложил на будущее. Не до того ему было в настоящий момент. Сначала нужно было

---

⁸ Шенгенское соглашение – соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах ряда государств Европейского союза, наиболее зримым следствием которого стало полное снятие пограничного контроля на границах заключивших соглашение государств. Так что, въехав, например, в Польшу, можно доехать до Италии, Португалии или Норвегии, более ни разу не проходя пограничного контроля. В настоящий момент заменено Шенгенским законодательством.

понять, что делать с тем комом неотложных проблем, которые возникли перед ним вследствие столь неожиданного поступка Эрики. Чем он и занялся в первую очередь...

Первую неделю ему везло. Не то чтобы везде и во всём, но довольно часто. Видимо, после столь эпической подставы судьба решила слегка сыпануть ему немного удачи. Ну, в качестве хоть какой-то компенсации... А как ещё иначе можно объяснить то, что билет на скоростной поезд до Тулузы ему удалось купить с рук, прямо при выходе на перрон, то есть не предъявляя отсутствующих у него документов и не пользуясь также отсутствующей у него кредиткой? Или что соседкой по шестиместному отсеку типичного европейского сидячего вагона оказалась шустрая старушка, сразу же очарованная Ванькой, который отчего-то растерял свою обычную суровую сдержанность и разулыбался «бабушке»? А улыбка у него была точь-в-точь как у Эрики. То есть разящая наповал... И что, узнав о том, что они едут не к кому-то там знакомому или в забронированный отель, а просто наобум, причём Алекс только лишь «надеется найти жильё и работу», старушка категорично заявила, что «с ребёнком так поступать нельзя» и она не то что просто приглашает, а настаивает на том, чтобы прямо с вокзала они отправились к ней. Потому что у неё «большой дом в историческом месте» и «ребёнку там точно будет хорошо».

Место действительно оказалось историческим. Дом мадам Женуа находился в самом центре настоящего средневекового города-крепости под названием Каркасон, от которого до Тулузы было менее сотни километров. Ну как города – скорее городка. Если считать по русским меркам... Он прятался за двумя рядами крепостных стен, сохранившихся до настоящего времени.

Причём сама мадам Женуа, как выяснилось, жила в США, у дочери, удачно вышедшей замуж за американца, и свою недвижимость навещала всего пару-тройку раз в год. Так что большую часть времени дом стоял полностью свободным. И она уже через неделю предложила им «пожить у неё». Вследствие чего у них с Ванькой появилась, так сказать, «операционная база» на первое время.

В Андорре тоже всё прошло более-менее. Оставив Ваньку на недельку на попечение мадам Женуа, Алекс метнулся в Андорру-ла-Велья, где сумел получить доступ к части своих счетов. А на обратном пути завернул в Марсель, где благодаря вновь сработавшему «закону повторения криминального жизненного пути» запустил процесс получения документов. Несмотря на некоторые изменения в составе местной криминальной «команды», ключевые её игроки оказались теми же... то есть, вернее, некой сборной солянкой из «игроков» двух предыдущих тактов, только частично разбавленной совершенно новыми лицами, так что установление контакта прошло вполне успешно.

На руки документы удалось получить только через месяц. И наличие ребёнка всё же внесло свои коррективы. Так, его попросили хотя бы некоторое время не выезжать никуда далеко за границу. А за «охраняемую» и вообще... И по возможности избегать мест, запросы из которых, в случае чего, пойдут через центральный аппарат министерства внутренних дел. Ненадолго. На годик-другой. Иначе можно спалиться... Потом можно. Но понятно, что в ситуации Алекса этот «годик-другой» был синонимом «никогда». Так что дорога в США и Россию ему в этом такте была, считай, перекрыта...

В самой же Андорре на этот раз устроиться не удалось. Дом, который Алексу удавалось купить парочку предыдущих тактов, на сей раз оказался уже куплен каким-то толстосумом, которого предложение Алекса по выкупу совершенно не заинтересовало. А других домов, которые подходили бы им с Ванькой по удобству, уединённости и при этом достаточной логистической доступности, отыскать не удалось. Но зато удалось договориться о длительном съёме жилья с мадам Женуа, которая, несмотря на удивление, вызванное тем, что «бедный эмигрант» оказался не таким уж бедным, отнеслась к этой идее вполне благосклонно. Но не сразу.

– Я не люблю, когда в моём доме живут посторонние люди. Поэтому и не сдавала его, – заявила она сначала. Однако затем добавила: – Но вы вроде как мне уже не посторонние. К тому же такому славному малышу следует расти именно в таком историческом и величественном месте. Только тогда он сможет вырасти настоящим французом!

Слышать подобное от жительницы США было несколько неожиданно. Но Алекс сдержался и энергично закивал, натянув на лицо выражение абсолютной благодарности...

Первое, чем занялся парень, когда более-менее обустроился, это зарылся в местный вариант интернета, пытаясь разобраться в причинах столь экстравагантного поступка жены. Родить сына, обвенчаться и... отбросить всё это? А как же все её рассуждения о долге? Разве долг женщины не состоит, кроме всего прочего, ещё и в том, чтобы быть хорошей женой и матерью? Как и мужчины в том, чтобы быть хорошим мужем и отцом.

Увы, дело оказалось именно в долге. В том, как Эрика его для себя понимала. «Обезопасив», как ей казалось, мужа и сына, графиня фон Даннерсберг объявилась в Германии, где стала изо всех сил пытаться воспрепятствовать приходу к власти в стране национал-социалистов. Она выступала на митингах, а также собраниях промышленников и финансовых воротил, печатала статьи в газетах, где заклинала и требовала только одного: «Остановить нацизм!» Её не слушали, над ней смеялись, её называли сумасшедшей. Высший свет заклеил её прозвищем «Красная графиня» и отвернулся от неё... А двадцать четвёртого марта тысяча девятьсот тридцать третьего года, на следующий день после принятия рейхстагом «Закона о ликвидации бедственного положения народа и государства», давшего канцлеру Германии и лидеру национал-социалистической рабочей партии Адольфу Гитлеру почти неограниченные полномочия, она попыталась убить его и была забита насмерть коваными сапогами озверевших штурмовиков, превратившими одну из самых красивых женщин планеты в окровавленный кусок мяса.

Прочитав это в первый раз, Алекс долго сидел, откинувшись на спинку кресла и стиснув веки, из-под которых всё равно вовсю катились крупные слёзы...

С СССР же всё оказалось... в полном соответствии с «законом разрушающего касания Алекса». Как он сам иронично называл выведенную им закономерность, согласно которой всё, чего он только не касался, сразу после этого становилось не лучше, а хуже.

Нет, первое время всё развивалось вполне себе нормально. И даже куда лучше, чем раньше. Например, на этот раз удалось справиться с одной из главных проблем, слегка затормозившей развитие промышленности в прошлом такте. А именно – с её кадровым голодом. В изначальной реальности он был решён за счёт рабочих рук тех крестьян, которые, влекомые голодом начала тридцатых, рванули из деревни в город. В предыдущем такте голода начала тридцатых удалось не допустить, но вследствие этого к тридцать третьему году у промышленности с рабочими руками образовался серьёзный дефицит. А в этот раз удалось решить и эту проблему. Причём способом, прямо противоположным тому, которым эта проблема решилась в изначальной реальности. То есть не голодом, а, наоборот, большим урожаем. «Ценовой манёвр», предпринятый советским правительством как раз в тридцать втором году, вследствие оставшихся у него с предыдущих лет запасов зерна, закупленного в США во время разгара Великой депрессии, резко обрушил цены на хлеб, вызвав тем самым разорение огромного множества единоличных хозяйств, оказавшихся неспособными окупить затраты продажей резко подешевевшего урожая. Потому что за приемлемую цену государство покупало зерно только у колхозов и совхозов, каковых в этом такте оказалось на тридцать второй год раза в полтора меньше, чем даже в предыдущем. Не говоря уж об изначальной реальности Алекса. Но ненадолго. За тридцать второй и следующий за ним тридцать третий год суммарная численность «коллективных хозяйств» резко возросла, увеличившись почти в семь раз. Вследствие чего общая площадь земель, обрабатываемых подобными формами хозяйствования, к исходу тридцать третьего года охватила почти восемьдесят процентов всего пахотного клина. Так что сплошная коллективизация в этом варианте реальности вполне себе состоялась. Правда, про-

изошло это на три-четыре года позже, чем в изначальной реальности, и на год-два попозже, чем в предыдущем такте, зато с куда меньшими потерями. Хотя доморожденные либералы, и на этот раз вполне себе расплодившиеся на «останках» развалившейся страны, всю драли глотки по поводу «чудовишных сотысячных потерь, которые русский народ понёс от преступной коллективизации». А вот потом дела пошли куда хуже.

Преобразование страны в сторону от идей ортодоксального марксизма под влиянием принесённых им материалов Сталин с Кировым и Фрунзе начали ещё до его нынешнего ухода в будущее. Ну а после него они развернулись куда круче. Что многим в партии сильно не понравилось. Причём, похоже, особенно тем, кто в другом варианте истории пошёл за Троцким. Попались Алексу в материалах несколько приметных фамилий... Так что и так нарастающее в партийной массе глухое недовольство группой Сталина – Кирова – Фрунзе, по мнению многих «старых большевиков» с ещё дореволюционным стажем, «узурпировавшей власть в партии и стране», на этот раз вырвалось наружу и оформилось созданием группировки, которую возглавили Зиновьев и Каменев, а также примкнувшие к ним Смирнов, Бухарин и Енукидзе. Они призвали «партийные массы» противодействовать «оппортунизму руководства» и его «отступлению от идей марксизма», как стали именовать новую политику Сталина со товарищи, и, войдя в смычку с руководством Коминтерна, эта группировка сначала заблокировала все предложения «антипартийной группы Сталина – Кирова – Фрунзе» по организации совместного фронта коммунистов и социал-демократов в Европе. А потом и дала ей бой на XV съезде ВКП(б).

Это привело к целой серии катастроф. Сначала разразившиеся дразги позволили всем тем фашистским или, как минимум, полуфашистским режимам, которые и в прежней истории захватили власть в Венгрии, Прибалтике, Австрии и самой Германии, снова сделать это. А ведь такие операции были разработаны... Например, единый блок коммунистов и социалистов вполне мог получить на обоих – и июньских, и ноябрьских – выборах тридцать второго года в Германии большинство голосов и провести на место канцлера своего человека. Да и не было бы в этом случае никаких ноябрьских выборов. Но не срослось... Сталин, конечно, после прихода Гитлера к власти на своих оппонентах потоптался основательно, вменив им в вину всё произошедшее, но это не привело их ни к какой переоценке собственных действий, а только добавило злости. А вот реакция Иосифа Виссарионовича, причём, не исключено, именно под влиянием усилий Алекса, так сильно «топившего» за предотвращение «сталинских репрессий», на этот раз оказалась куда мягче и-и-и... ну, назовём это «беззубей». Вследствие чего, потерпев пусть и не безоговорочное, но поражение на съезде, эта группировка решила добиться своего через вооружённый переворот, втянув в него часть руководства Наркомата обороны и командование Московского военного округа. Переворот начался выступлением частей Московского гарнизона, который возглавил Тухачевский, также присоединившийся к заговору, оформившемуся в партийной верхушке к середине тридцать пятого года, вследствие которого Сталин и Фрунзе были убиты прямо во время парада на трибуне Мавзолея, а Киров схвачен и расстрелян через три месяца после публичного показательного процесса... После чего партия и государство, как было объявлено, «вернулись к ленинским нормам коллективного руководства», продержавшись, впрочем, очень недолго. Уже через год «под нож» пошли Зиновьев и Каменев, потом настала очередь Енукидзе, Тухачевского и большой группы лидеров «путча» рангом поменьше, а затем развернулась такая кровавая вакханалия, которую историки этой реальности вполне закономерно обозвали «бухаринскими репрессиями». Итог для страны был суров – срыв выполнения планов второй пятилетки, повторение почти всех ошибок, совершённых в «изначальной» реальности Алекса (ну дык к руководству страны пришли люди, исповедовавшие точно те же ценности и обладавшие совершенно тем же мировоззрением, что и в «изначальной» реальности Алекса, – от «солидарности мирового пролетариата» до «малой кровью на чужой территории»), а также совершение множества новых. Например,

Бухарин сумел-таки обеспечить республиканцам победу в Испанской гражданской войне. Но результатом этого, по мнению большинства историков, стало заключение перемирия между немцами и англичанами в марте сорок первого года и куда более быстрая «сдача» англичанами Греции, последствием которых стала несколько бóльшая, чем ранее, численность сил вермахта и люфтваффе, сконцентрированных на Восточном фронте. Вследствие чего немцы напали на СССР уже пятого мая, получив в своё распоряжение ещё полтора месяца хорошей погоды, которыми сумели воспользоваться по полной... И хотя англичане уже в сорок втором, когда стало ясно, что СССР, как минимум, удержался и способен сопротивляться, нарушили перемирие, атаковав немецко-итальянские силы в северной Африке, что, вкупе с тем, что уже было сделано к моменту ухода Алекса в будущее, позволило Советскому Союзу снова выиграть войну, но победа на этот раз обошлась в тридцать один миллион погибших. То есть даже больше, чем не то что в предыдущих тактах, но и в изначальной реальности Алекса... Вишенкой же на торте для него стал факт того, что во время всё же состоявшейся в этой реальности перестройки, опять закономерно закончившейся обрушением СССР, местные «демократы новой волны» подняли на щит «невинно убиенного» Сталина, который, как следовало из их слов, был истинным демократом и народолюбом и из всех сил противостоял «кровавому диктатору Бухарину». И потому был им безвинно убит...

А вот с флотом, к крайнему удивлению Алекса, отчего-то в этом такте всё оказалось куда лучше, чем в прошлом. Возможно, потому, что к моменту путча вся работа уже была вполне налажена. Так что даже репрессии, которые на этот раз, впрочем, оказались всё-таки пусть и немного, но менее массовыми, чем в изначальной реальности Алекса (кое-какие цифры он помнил), хотя и куда больше, чем в большинстве предыдущих тактов, да и оказались в этот раз направлены в основном именно на самую верхушку. Так что инженерно-технический персонал в основном вполне сохранился.

Короче, на этот раз к войне успели построить тринадцать крейсеров – семь тяжёлых и шесть лёгких, а новых эсминцев наклепали ажно пятьдесят восемь штук. После Таранто⁹ на всех крейсерах и эсминцах поменяли все двенадцати- и семимиллиметровые пулемётные установки на четырнадцать с половиной миллиметровые, что сделало оба типа советских крейсеров самыми защищёнными от атак авиации. Ну, как минимум, на начало войны. Вследствие чего практически всеми в мире признавалось, что флот СССР оказался наиболее приспособлен именно к той войне, которую ему пришлось вести. Да и вёл он её весьма успешно.

Алексу удалось раскопать на местном варианте Ютуба ролик, в котором какой-то блогер-американец провёл анализ разных флотов времён Второй мировой войны. Так вот про советский флот он высказывался вполне комплиментарно:

«...и наконец, переходим к самому вкусному блюду, а именно – флоту Советской России, или, как он тогда назывался, РККФ. – Парень на экране махнул рукой в сторону, и за его спиной возникла и заполнила весь фон фотография нескольких кораблей, идущих полным ходом строем фронта.

Почему я сказал «самое вкусное»? – Парень ухмыльнулся. – Да потому, что итоговые оценки именно этого флота оказались наиболее далеки от предварительных. Если до начала Второй мировой войны редко какой военно-морской деятель или морской аналитик не удержался от соблазна поиздеваться над «тупыми комми», затратившими огромные средства на то, что все поголовно называли «недофлотом», «никчёмными лоханками» и «жалкими клонами германского паллиатива», то во время войны внезапно оказалось, что «комми» попали в яблочко. И что их корабли куда более отвечают требованиям именно той войны, которую

⁹ Налёт британской палубной авиации на итальянскую военно-морскую базу Таранто 12 ноября 1940 года. По её результатам один линкор оказался потоплен, а два серьёзно повреждены. Стал примером для разработки плана японской атаки на Пёрл-Харбор.

им пришлось вести, чем что бы то ни было, построенное всякими снобами вроде англичан или французов. Более того, даже наши умники из DON¹⁰ всего лишь через несколько месяцев после вступления США в войну бросились, высоко поднимая колени, изучать опыт боевых действий русских, мгновенно забыв все свои шутки по поводу их «недофлота». Так что начнём мы, пожалуй, с того, как вообще у русских появились подобные корабли.

Тут фон за спиной парня очередной раз изменился, превратившись в фотографию какого-то весьма потрёпанного корабля не очень больших размеров, в небе над которым виднелось несколько старинных бипланов.

– После окончания Гражданской войны экономика Советов оказалась настолько сильно разрушенной, – неторопливо начал парень, – что всем было ясно, что для достижения хотя бы того уровня, который имела Российская империя к началу Первой мировой войны, новой России потребуются десятилетия. А это означало, что обычный путь развития флота, вершиной которого для государств того времени являлись эскадры линкоров, для советской России оказался закрыт. Поэтому одним из самых важных вопросов, которые встали перед новым, коммунистическим правительством России, стал вопрос: как стране, омываемой двумя океанами и несколькими морями, обеспечить защиту своих интересов или хотя бы своих границ без сильного флота? – С этими словами парень повернулся и махнул рукой в сторону фона. – Здесь мы можем видеть, как «комми» начали решать возникшую перед ними дилемму. Эта фотография была сделана на совместных учениях морских и воздушных сил, которые были проведены в мае тысяча девятьсот тридцатого года на Балтике, неподалёку от Кронштадта. Учения проходили под руководством *parodni komisar po voenim i morskim delam* Михаила Фрунзе. – Парень произнёс наименование должности на русском языке, смешно коверкая слова. Похоже, он считал, что подобный языковой экзерсис – это круто и хорошо подчёркивает уровень его знаний о предмете рассказа.

– Это были первые учения, во время которых была совершена попытка оценить степень угрозы боевым кораблям в случае массированного применения авиации. Именно массированного, потому что опыты по использованию авиации против кораблей к тому моменту были проведены уже во многих странах. Но вот учений, в которых было задействовано столько кораблей и самолётов, а в них участвовал почти весь наличный корабельный состав Балтийского флота, способный отойти от причальной стенки, и аж четыре авиационных полка – никто ещё не проводил. И хотя задействованная авиация была представлена уже довольно устаревшими даже на тот момент бипланами «R-1», являвшимися клонами *de Havilland D.H.9A* образца ещё тысяча девятьсот шестнадцатого года, результаты этих учений, по оценке мистера Фрунзе и подчинённых ему командиров, оказались весьма впечатляющими. – Парень торжественно воздел вверх палец. – Но мы не будем углубляться в их историю слишком уж и подробно. Просто знайте, что по результатам этих учений был сделан вывод о том, что именно авиация в скором будущем станет самым опасным противником военного флота. И этот вывод Советы совершенно устроил!

Молодой человек покровительственно усмехнулся в объектив, после чего продолжил:

– Ну ещё бы! Красные посчитали, что нашли способ, не тратя деньги на огромные и бешено дорогие игрушки типа линкоров или линейных крейсеров, занять возможность вполне надёжно защитить свои берега и прибрежные воды от мощных военных флотов *imperialistov*. Не верите? Давайте посчитаем! Согласно выводам военных экспертов, обрабатывающих результаты учений, для гарантированного потопления одного линкора требовалось послать на него в атаку полк ударных самолётов, то есть бомбардировщиков или торпедонос-

---

¹⁰ United States Department of the Navy (DON) – одно из пяти главных управлений видов вооружённых сил, входящих в структуру министерства обороны США, в ведении которого находятся военно-морские силы США и Корпус морской пехоты США.

цев. А это всего лишь около трёх десятков аппаратов. Крейсер требовал эскадрильи. Эсминец – звена. Стоимость одного самолёта условно примем равной пятидесяти тысячам долларов. Хотя эта цифра, скорее, относится к аппаратам времён уже середины сороковых годов, а не конца двадцатых, но пусть... Так что общая стоимость полка ударных самолётов составит полтора миллиона долларов. Стоимость же линкора типа «North Carolina» составила семьдесят семь миллионов долларов. В пятьдесят с лишним раз больше! А, скажем, «Iowa» стоили уже около ста миллионов... Не менее впечатляющим соотношением потерь окажется, если посчитать его не через финансы, а через человеческие жизни. Даже в случае поголовной гибели всего авиаполка, брошенного в атаку на линкор, что, естественно, вряд ли случилось бы в реальности, потери атакующих составят, в зависимости от типа самолётов, принимающих участие в атаке, и, соответственно, численности экипажей, – от полусотни до сотни человек. Экипаж же линкора насчитывал от тысячи восьмисот человек для кораблей типа «North Carolina» и до почти трёх тысяч для «Iowa», – тут парень залихватски подмигнул в камеру. – Вы же понимаете, что с таким соотношением затрат и прибылей уже можно делать приличный бизнес!

Сделав паузу, блогер протянул руку влево, за обрез экрана и выудил банку пива. Вскрыв её, он сделал шумный глоток, после чего продолжил:

– Однако, как вы понимаете, военный флот нужен не только для защиты собственных берегов. У него множество других не менее важных задач – охрана и сопровождение конвоев, высадка и огневая поддержка десантов, демонстрация флага у чужих берегов и на других континентах, в конце концов. Так что, даже если согласиться с тем, что русские нашли способ справиться с эскадрами линкоров imperialistov, строить корабли им всё равно пришлось. Вот только строить они их принялись с учётом всех сделанных ими самими выводов. Вы спрашиваете, что же это значило? А вот что. – Парень снова на мгновение прервался, сделал ещё один глоток из банки и махнул рукой в сторону фона, который в очередной раз изменился, превратившись в схему башенной установки. – Во-первых, русские практически полностью отказались от орудий, не способных стрелять по самолётам. Практически, потому что один тип подобных орудий у них на кораблях все-таки был. Это – главный калибр тяжёлых крейсеров типа «Чараев», являющегося отнюдь не «клонами немецких паллиативов», как о них говорили, а развитием и серьёзной переработкой немецких «карманников» под задачи, стоявшие перед РККФ и в соответствии с воззрениями русских. Что превратило их из «недостаточно быстрых дальних рейдеров» во вполне приличные тяжёлые крейсера и отличные корабли поддержки десанта. Но эти одиннадцатидюймовые монстры у русских оказались единственным флотским калибром, не способным стрелять по самолётам. «Комми» настолько жёстко соблюдали это требование, что, например, полностью отказались от вооружения своих крейсеров весьма популярным в то время в мире калибром в шесть дюймов и вооружили свои лёгкие крейсера типа «Sverdlov» и эсминцы универсальными орудиями калибра 5,12 дюйма, вследствие чего их лёгкие крейсера до начала войны всеми считались недовооружёнными. Зато во время войны они оказались настоящим кошмаром для люфтваффе. Да и в качестве кораблей поддержки десанта они зарекомендовали себя выше всяческих похвал, компенсируя уменьшенный калибр впечатляющей скорострельностью. Конечно, в прямом боестолкновении с противником, вооружённым шестидюймовками, которые немцы, например, чуть позже начали ставить даже на эсминцы, русским, при прочих равных, вероятно, пришлось бы нелегко. Но в том-то и дело, что за всё время войны русские корабли поучаствовали в подобных столкновениях считанное число раз! Да и о «прочих равных» в них и речи не шло. Зато схваток с авиацией русские моряки наелись от пуза... – Фон за спиной парня снова сменился. На этот раз старая фотография изображала авианалет на идущий полным ходом отряд кораблей, все орудия которых были задраны в зенит и изрыгали непрерывный огонь. – Но это ещё не всё. Исходя из сформулированных по итогам учений представлений о будущей войне на море, а также из крайней ограниченности собственных ресурсов, русские выработали весьма необыч-

ный подход к конструированию и вооружению кораблей. Тогда он породил целую волну насмешек. Русские корабли почти повсеместно именовались «неудачными конструкциями, созданными по изначально ошибочно сформулированному техническому заданию». Например, их эсминцы были на несколько узлов медленнее любых других, проектируемых и строящих в то же время. Их тяжёлые крейсера несли бортовую броню в полтора, а то и в два раза тоньше, чем их одноклассники. Что вообще-то выглядит весьма удивительным на фоне того, что русские бронировали свои эсминцы и даже торпедные катера. Да-да, представьте себе, русские ещё в начале тридцатых годов начали строить катера, у которых боевая рубка и палуба в районе расположения двигательных установок были прикрыты бронёй. Тонкой, противопульной, но бронёй! У эсминцев же кроме этого бронировались ещё и орудийные башни. Но дело в том, что подобный подход русских опять же был вызван тем, что они решили в первую очередь максимально защитить свои корабли от того врага, который они считали главным. То есть от авиации! Именно отсюда и это пренебрежение скоростью, и тонкое, но куда более развитое бронирование. От тяжёлой бомбы не очень-то спасёт и в разы более толстая броня, зато для защиты от осколков и авиационного вооружения такой вполне хватит. И, как показал опыт войны, они оказались полностью правы! Ну, во всяком случае, в отношении той войны, которую пришлось вести именно их флоту...

Парень вновь отхлебнул пива, после чего продолжил:

– И ещё один интересный момент. – Фон за его спиной снова сменился, на этот раз представ в виде конструкторского чертежа башенной артиллерийской установки, вооружённой двумя орудиями. – Это, – парень небрежно махнул рукой, – двухорудийная установка типа БУ-2-130, – единственная орудийная установка Советов, калибра 5,12 дюйма, во всём РККФ. – Он ухмыльнулся. – Да-да, дорогие мои, всё так. Если наши знаменитые Mark-12 выпускались в четырёх вариантах установок – открытая на центральном штыве и на кольцевом погоне, а также закрытые одно- и двухорудийные на кольцевом погоне, – то русские выпускали всего один вариант – закрытая двухорудийная установка на кольцевом погоне. Всё. Других нет. Не нравится – не покупайте. – Парень широко усмехнулся и развёл руками. – Скажу более, это была самая распространённая артиллерийская установка РККФ среднего калибра. Все остальные, а Советы выпускали ещё спаренную 10,5-см установку, которую они разработали на базе той, что прикупили у немцев вместе с проектом «карманных», а также и 85-мм опять же двухорудийную установку, были выпущены в суммарных объёмах, составивших не более половины от БУ-2-130... Но зато эту установку они отработали от и до! – Парень допил банку и картинным жестом швырнул её куда-то влево, после чего продолжил:

– Впрочем, русские вообще показали себя сторонниками крайней стандартизации. Знаете, сколько у них было типов корабельных турбин? Один! GTZA-27, производившиеся на трёх заводах, мощностью образцов первых серий в двадцать семь тысяч лошадиных сил, а последующих – в тридцать и тридцать три тысячи. Они их ставили и на тяжёлые, и на лёгкие крейсера, и на те и на другие по три штуки, и на эсминцы – по две, и на конвойные корветы, которые в РККФ назывались «storojeviki», – по одной штуке. А знаете, сколько у них было типов флотских дизелей? Два! Первый они ставили в качестве двигателей экономичного хода на все свои корабли – от линкоров до корветов и подводных лодок, а второй, высокооборотный, – в качестве основных двигателей торпедных катеров и «malih ohotnikov». На торпедные катера они ставили по три D-18, а на «malie ohotniki», с которых, кстати, судя по всему, немцы и содрали если не конструкцию, то как минимум свою идею «раумботов», поскольку они строились в тех же корпусах, что и торпедные катера, конструкцию которых, уже, наоборот, русские прикупили у немецкой верфи «Lurssen» в те времена, когда кригсмарине ещё и не думал ни о каких торпедных катерах, по два. Именно благодаря подобному подходу, реально невозможному ни в какой другой экономике, кроме советской, «комми» и удалось весьма недорого построить вполне приличный флот, показавший себя в войне очень и очень неплохо...

Поработав ещё полтора часа, Алекс почувствовал, что его начало клонить в сон. С хрустом потянувшись, он закрыл рабочий файл и по устоявшейся традиции перед сном поднялся в комнату к сыну. Ванька спал на боку, скомкав одеялко и засунув его между коленей. Мальчишка его не подвёл. И сначала – когда они добирались до Парижа, ночуя в случайных местах, потому что без документов ни в один приличный отель было не устроиться, он, как маленький солдат, стойко переносил все выпавшие на их долю «трудности и лишения», и потом. Ну а тому, как ему удалось очаровать мадам Женуа, Алекс удивлялся до сих пор... И теперь, когда им удалось наконец обустроиться, он вполне спокойно принял то, что ему достаточно долгое время придётся пожить с папой и новой няней, а не Маргаритой Ниловой, к которой он успел привязаться в Москве. И только иногда, причём исключительно в момент, когда они были одни, позволял себе подойти к Алексу, забраться к нему на колени и тихо спросить:

– Папа, мама де?

Ну, или когда он уже почти засыпал. Как сегодня...

Постояв несколько минут, Алекс нагнулся и, поправив одеялко, тихо прошептал:

– Ничего, сынок, мама будет жива и с нами. Это я тебе обещаю...

Глава 2

– Н-да уж, задачку вы нам задали, господин Ожеро, – с легкой улыбкой произнёс крупный мужчина возрастом чуть выше среднего, с весьма смуглой кожей и чертами лица, выдающими в нём уроженца полуострова Индостан. Алекс улыбнулся в ответ и пожал плечами, как бы намекая: «А кому сейчас легко?»

– Сказать по правде, сначала я хотел отказаться от вашего задания, – продолжил профессор Бхаттар. – Уж больно оно мне показалось муторным... Дело в том, что эти методы условно делятся на поколения. Потому что новые методы возникали не в качестве гениальных озарений, а вследствие изменения среды, в которой они работали, – степени развития ИТ, полноты статистики... Вот, например, данные для расчёта ВВП до тридцатых годов прошлого столетия никто не формировал. Да и в тридцатых их начали формировать весьма немногие страны. Так что в мире эта практика достаточно широко распространилась только к середине века. Больше того, современные «методички» разработаны сугубо под западные стандарты, то есть вашей «стране-реципиенту», – тут он снова усмехнулся, – после взятия курса на изменение социальной системы пришлось впустить в Росстат американцев и европейцев, и те полтора десятка лет учили русских статистиков, как именно нужно поменять систему сбора статистики. Но это не главная проблема. Проблема в том, что разные методики наиболее эффективны в разных типах организационных структур. В заказанные вами тридцатые существовали так называемые «линейно-функциональные» структуры, строящиеся вокруг технологического процесса. И там никакой конкуренции или соревнования быть не могло. Ну какая конкуренция может быть, условно говоря, у цеха по выпуску левых ботинок с цехом по выпуску правых? И зачем?

И лишь примерно в середине пятидесятых на Западе появились «дивизиональные» структуры. И вот там уже стало возможным, чтобы одна лаборатория дизайна конкурировала с другой и третьей, ну и так далее. Вследствие чего многие системы управления *заточены* на использование этой самой конкуренции. Чего мы в СССР тридцатых просто не видим.

– Даже в военной области? – удивился Алекс. Насколько он помнил, ГАУ регулярно проводил самые настоящие конкурсы в области стрелкового вооружения, артиллерии, бронетанковой техники, авиации и так далее, в рамках которых конкуренция между КБ и заводами шла ещё та.

– Там не всё так однозначно, – согласился индиец, – да и назвать конкурсный отбор конкуренцией будет неверно. Слишком уж он привязан к субъективным критериям. Например, советские военные перед войной категорически настаивали на том, чтобы у принимаемых на вооружение орудий отсутствовал дульный тормоз. Этот критерий считался очень весомым, и чтобы образцу «простили» его наличие, он должен был продемонстрировать слишком уж веские преимущества над другими – заметное увеличение боевых свойств либо пусть и не очень большое, но зато компенсируемое очень значимой экономией в развёртывании производства. Однако опыт войны, а также и послевоенного развития артиллерии показал, что данному параметру придавалось явно излишнее значение...

– Хм, а вы неплохо разбираетесь в особенностях довоенной советской военной промышленности, – удивлённо констатировал Алекс. Его собеседник вздохнул и покачал головой.

– На самом деле плохо. Но обойти область, где в те времена присутствовали хотя бы зачатки конкуренции, было бы совершенно непрофессионально. Однако продолжим – дальнейшим развитием стали «облачные» структуры, где часть функций отдается на аутсорсинг посторонним фирмам с рынка. Сами понимаете, что как в «сталинском», так и в «бухаринском» СССР идеи управления через конкуренцию и заявления об её эффективности вряд ли были бы приняты на ура...

Первые пару месяцев после перехода Алекс не мог думать ни о чём, кроме как о смерти Эрики. Он пытался как-то отвлечься, сосредоточиться на сыне – в мае съездил с Ванькой на море, в очаровательный старинный Нарбонн и славящийся своими отелями и пляжами Нарбонн-пляж, расположенные всего в шестидесяти и семидесяти километрах от Каркасона, пытался занять голову, «закапываясь» в местную сеть, но всё было напрасно. Потому что уже через десяток минут он наткнулся на очередное упоминание о «Красной графине» и забывал обо всём... Этих упоминаний было множество. Эрика фон Даннерсберг в этой реальности оказалась брендом покрупнее знаменитого Че Гевары. Дифирамбы «этой мужественной женщине» пелись буквально всеми – от властей и СМИ также уже почившей в бозе ГДР¹¹ и до «Lesbenring»¹². В честь Эрики во всём мире было переименовано под сотню улиц во многих городах Германии, Швейцарии и Австрии – от Берлина до Люцерна и Линца, а также три десятка площадей и несколько мостов. Её имя носили корабли и концертные залы, художественные галереи и даже марки духов. Кроме того, мемориальные таблички с её именем были установлены на доброй полусотне домов, дворцов и отелей, в которых она когда-то жила или хотя бы останавливалась. По её жизни было написано семь биографических книг и снято пять документальных и три художественных фильма. В двух из которых Алекс был представлен в виде слащавого героя, в последний момент благословляющего свою любовь на подвиг во имя человечества и обещающего позаботиться о сыне, а в третьем – урода, сделавшего наивной девушке ребёнка и бросившего её, вследствие чего, пройдя сквозь подобные испытания, она и поднялась до самых вершин духа и стала той самой героиней, которой все восхищаются. Нет, лично Алекс там особенно не фигурировал, хотя это было и удивительно, в конце концов, он разливался соловьём не столько даже перед Эрикой, сколько перед её родственниками. Так что его точно должны были запомнить. Да и фамилия у него не только была весьма необычной и потому запоминающейся, но и во время их совместного путешествия засветилась, и не раз. А те, перед кем она засветилась, отнюдь не страдали наивностью или недостаточным умственным развитием, чтобы не суметь, так сказать, сложить два и два. Но вот, поди ж ты, несмотря на то что и в фильмах, и в монографиях регулярно, так сказать, проскакивали те или иные толстые намёки, «загадочный спутник» героини в открытую не был назван нигде. Наиболее близко «снаряд» упал в одной из монографий, где прозвучала-таки фамилия До'Урден, но всего лишь как одна из многих. Возможно, Эрика очень талантливо «шифровалась», так что её отлучки и впоследствии побег именно с ним никто не связал... Впрочем, это ещё что – в настоящий момент один очень модный режиссёр снимал новый фильм, в котором графиня фон Даннерсберг должна быть выведена в виде стопроцентной лесбиянки! То есть ни о каких мужчинах в её жизни и речи не шло. Более того, как заявил в одном из интервью этот самый режиссёр, ему удалось «точно установить», что её «так называемый сын» на самом деле был юной несовершеннолетней любовницей «Красной графини», предпочитавшей носить мальчишескую одежду...

Но во всём этом не было главного для Алекса фактологического материала – как она добралась до Берлина, где ночевала последнюю ночь, во сколько и каким маршрутом подошла к той пивной на Унтер-ден-Линден, где Гитлер со товарищи в узком кругу решили отпраздновать свою победу. Да что там говорить, если до сих пор было непонятно даже, что это было – заранее подготовленная акция либо некий спонтанный поступок. Ну, типа, Эрика просто шла по улице, пребывая в жутком отчаянии от того, что все её усилия окончились крахом и нена-

¹¹ Германская Демократическая Республика – первое социалистическое государство на немецкой земле. Образовалось из советской зоны оккупации после того, как в американской, английской и французской зонах оккупации была проведена демонстративная денежная реформа, а затем и без согласования с СССР и немецкой администрацией советской зоны оккупации был 23 мая 1949 года принят «основной закон Федеративной Республики Германия», провозгласивший создание на базе этих трёх оккупационных зон нового государства. Существовало с 7 октября 1949-го по 3 октября 1990 года.

¹² «Лесбийское кольцо» – крупнейшая лесбийская организация Германии со штаб-квартирой в Гейдельберге (нем.).

вистный ей Гитлер со своими нацистами получил всю полноту власти и теперь опять поведёт Германию и немецкий народ к гибели, а тут – оп! Её враг сидит и пиво пьёт. Ну и сорвалась... В пользу первого говорило то, что она сумела-таки подобраться к Гитлеру почти вплотную и выстрелить в него несколько раз, несмотря на то, что его и его соратников в этот момент охранял десяток штурмовиков. Да и «товарищи по оружию», с которыми он праздновал свой триумф, были теми ещё волчарами... В пользу второго – выбор оружия, в виде которого выступил всё тот же подаренный Фрунзе маломощный «вальтер ППК»¹³, самого слабого из доступных калибра, который, кстати, во многом и предопределил неудачу покушения. Поскольку из трёх попаданий ни одно вследствие малого калибра и общей маломощности патрона не стало смертельным. А также общий итог покушения, оказавшийся прямо противоположным задуманному, Гитлер не только выжил, но и приобрёл этаким ореол «пострадавшего за идею». Что заметно прибавило ему в тот момент популярности и влияния... А ведь Алексу для выработки стратегии спасения жены нужны были именно такие подробности!

Так что, потыкавшись по сети, Алекс договорился с мадам Валери, которую ему, кстати, сосватала хозяйка арендованного им дома, о том, что она на неделю возьмёт все заботы о Ваньке на себя, и выехал в Германию. Никаким криминалом он там заниматься не планировал, а пограничного контроля в Европе не было, поскольку тут снова имелся в наличии свой вариант «шенгена». Так что Алекс счёл подобную поездку вполне безопасной...

– ...«метод критической цепи». Да – староват. Но! Во-первых, метод реально работает и позволяет устранить любые задержки или отклонения в ходе проектной реализации, назначая целено-критический путь и устанавливая число ресурсов, чтобы выполнить работы. Во-вторых, он работает без компьютеров. И в-третьих, он применим в «линейно-функциональных» типах организаций, которые только и могут быть в сталинском СССР. Впрочем, недостатки здесь тоже достаточно значимые – на практике это получается только у опытных руководителей, потому что многие подчинённые сопротивляются, так как сами по себе проектирование и отчётность требуют массу времени. В результате часто случается так, что начинается скрытое саботирование внедрению подобного метода под маркой того, что «тупое» руководство начинает отчего-то требовать от подчинённых массу «ненужной» и бумажной работы, которая вот прям невозможно мешает исполнению своих непосредственных обязанностей.

– Ну, это понятно, – криво усмехнулся Алекс. С подобным он и сам сталкивался сплошь и рядом...

В Берлине парень достаточно быстро вышел на несколько криминальных журналистов, имеющих неплохие связи с местной полицией и способных получить доступ в полицейские архивы. Всем им он привычно представился писателем-фантастом, который пишет книгу по альтернативной истории, значимым сюжетом в которой должно стать спасение «Красной графини». Пишет он для себя, не особенно рассчитывая на издание, максимум выложит в местный аналог интернета для любителей, погружённых в тему. Потому-то он и заиклен на максимальной достоверности. А для того, чтобы добиться подобного уровня достоверности, ему и нужны самые подробные сведения – протоколы допросов, схемы места происшествия, показания очевидцев, фото участников и так далее.

– И сколько ты готов потратить на подобную чушь, мужик? – лениво уточнил Гюнтер Краббе, который, по информации Алекса, являлся неким негласным «гуру» криминальной журналистики Берлина.

---

¹³ Очень удачный компактный пистолет немецкой фирмы «Walther», разработанный на основе модели «PP» в 1931 году. Выпускался в калибрах 7,65×17 мм, 9×17 мм, 22 LR, 6,35×15 мм.

– Всё зависит от полноты и достоверности информации, – улыбнулся Алекс. – Но, поскольку вы уже прошли, так сказать, первоначальный отбор, то начальной суммой будет три тысячи швейцарских франков.

Гюнтер удивлённо присвистнул.

– Неплохо... – А потом хитро прищурился: – Но, как я понял, это именно начальная сумма?

– Да, – кивнул Алекс.

– И получит её тот, кто первым доставит тебе полную копию полицейского дела? – уточнил ещё один из присутствующих.

– Да нет, – Алекс мотнул головой. – Если все принесут по копии полицейского дела – все и получат. Я склонен поощрять старание. Но если кто-то сумеет накопать что-то ещё...

– Да что тут ещё может быть? – удивлённо спросил один из молодых журналистов.

– Ну-у, например, мемуары Курта Шайгера, – довольно усмехнулся Краббе. – Не знаешь, кто это такой, сынок? А это тот самый штурмовик, который хвастался, что именно его сапог и раздавил череп «Красной графини»...

Алекса от этих слов слегка замутило. Но Гюнтер этого не заметил и довольно закончил, покровительственно махнув рукой:

– Так что готовьте денежки, герр писатель. У вас будут самые полные и эксклюзивные материалы по этому делу...

– Далее «метод критического пути». Прекрасно работающая система и весьма наглядная, поскольку в ней широко используются такие инструменты, как диаграммы Ганта, PERT-диаграммы и сетевые графики. Но тут одна беда. Приписки!

– Приписки? В сталинском СССР? – удивился Алекс. Он считал, что это беда гораздо более позднего времени.

– Да-да, увы, это факт. Причём результаты зачастую просто чудовищные. Так, при строительстве одного из важнейших объектов первой пятилетки – Belomorsko-Baltiiskogo kanala – между шлюзами номер семь и восемь при прокладке искусственного русла наткнулись на скалу. Неожиданно. Там сверху была подушка мягкого грунта, фактически болота, а вот чуть глубже... Но, поскольку объём выделяемого финансирования и даже снабжение работников продуктами, так называемая «раika», зависели от *записанной* выработки, начальство долгое время «не замечало» приписок. И к началу тридцать третьего года этот участок был «вырыт на бумаге». А в реальности – нет. Результат – пришлось каяться, просить взрывчатку и подрывников и, изо всех сил напрягая «каналармейцев», рыть. И это при резко сократившемся вследствие падения выработки снабжении. Так что в этот год на стройке резко возросло число жертв...

После этой встречи в Берлине Алекс наконец-то успокоился и стал в состоянии думать о чём-то ещё.

Вследствие чего ему удалось довольно быстро разрешить и загадку с приютом «До'Урден». Как выяснилось, этот приют был создан в сорок первом году, в самый разгар Второй мировой, и предназначен для проживания детей, пострадавших от войн и военных конфликтов. Для его финансирования от имени некоего лица, судя по документам носившего фамилию «До'Урден», в один из швейцарских банков была положена очень солидная сумма. Она была рассчитана на сто лет существования приюта. Но к настоящему моменту несколько выпускников приюта, сумевших достичь в жизни достаточного финансового успеха, изрядно пополнили его фонд, так что сроки его финансирования и, следовательно, существования заметно увеличились... Отсутствие же всех его обитателей в день весеннего равноденствия являлось результатом бытовавшей в приюте легенды, согласно которой этот самый «До'Урден» на самом был представителем загадочного народа дреу, живущего глубоко в недрах земли, и более того, кня-

зем этого народа, который какое-то время жил на поверхности, вот в этом самом доме, а потом ушёл обратно в «свой мир», отдав дом под детский приют и оставив денег на его содержание. И лишь раз в году, в свой «день рождения», который приходится как раз на день весеннего равноденствия, он позволяет себе возвращаться в свой дом и провести в нём один-два дня, вспоминая свою жизнь на земле. Так что, в знак уважения к нему, в это время всех обитателей приюта увозят из него аж на три дня, чтобы они не мешали «князю До'Урдену» предаваться ностальгии. Этим же, кстати, объяснялся и запрет на какие-либо перестройки в доме и окрестностях... После зрелого размышления Алекс решил, что всё это отнюдь не какая-то удивительная случайность, а, скорее всего, «привет» ему от ИНО и Зорге, который столь хитрым ходом смог и сохранить тайну, и обеспечить ему беспрепятственный доступ во вполне себе тёплый и жилой дом, без всяких «архитектурных излишеств» типа установленного посреди портала камина, а также получить возможность сразу же ознакомиться с кое-какой актуальной информацией и занять некие минимальные начальные средства. Впрочем, возможно, деньги были инициативой самих детей... Особую пикантность подобному придавал факт, что в этой реальности «дроу» были, так сказать, совсем не раскручены. Вследствие чего в запросе по слову «дроу» в местном глобальном поисковике первой строчкой в перечне ссылок почти всегда вылезал именно «Приют До'Урден». Вероятно потому, что никакого Роберта Сальваторе здесь не было. Вот ведь удивительно – Толкиен был, Хаббард был, Гаррисон был, Азимов был, даже игра «Dungeons & Dragons» имела, а об известном американском писателе-фантасте Роберте Сальваторе никто и слыхом не слыхивал. Либо он в этой реальности не родился, либо по какой-то причине избрал себе иную жизненную стезю...

И вот после того как, так сказать, тайна прибытия была разгадана, а процесс получения той информации, которая представлялась Алексу жизненно необходимой, был запущен, перед ним встал вопрос: что же делать дальше. Чем полезным занять время, оставшееся до перехода в прошлое? Ну, кроме общения с сыном, естественно... Что же ему на этот раз принести «в клювике» Сталину и компании?..

— ...но главный метод, на который я советую обратить внимание, это «Метод моделирования событий». Метод почти как по заказу. В его основе лежит проведение проектного анализа с использованием методики Монте-Карло. В подготовленном нами материале мы нашли *очень* много «неудачных» совпадений событий, которые сами по себе не критичны, но вот вместе... Каюсь, здесь мы даже залезли в сферу внешней и внутренней политики. Уж очень наглядно получилось. Ведь не случись тот путч... – Профессор покачал головой. – Единственная проблема в том, что этот метод даст сколько-нибудь значимый эффект тогда, когда накоплена статистика по событиям, а в СССР того времени её с необходимой точностью никто не ведёт, и ещё он требует неплохих вычислительных мощностей...

Главным, естественно, была информация по «путчу». Эту информацию он Сталину обязательно принесёт! Но её достаточно и в открытых источниках. Да и по поводу, так сказать, не совсем открытых у парня были идеи, как её можно будет оттуда добыть. Причём даже без личного участия. Для этого просто требовалось проявить немного больше присущей ему щедрости... Дело в том, что в перечне диссертаций на соискание степеней докторов и кандидатов наук по направлению «новейшая история» с тегом «смена руководства в СССР в середине тридцатых годов» или схожих имелось почти двести наименований. Причём большая часть из защитивших диссертацию по данной теме вполне себе здравствовали и в настоящее время. Уж больно они были популярны в десятилетие перед и сразу после разрушения СССР... И Алекс сильно сомневался, что среди этого сонма диссертантов не найдётся несколько человек, которые согласятся подготовить развёрнутый специализированный доклад по той теме, в которую они сами погружены давно и успешно. Особенно если им предложить за это достойное вознаграждение. А поскольку материалы пойдут напрямую всем «допущенным к тайне», то никаких

дополнительных «обременений», типа специальной вычитки для исправления от анахронизмов, не потребуется... Большого он, учитывая, что ему не рекомендуется пересекать «охраняемые» границы, сделать всё равно не сможет. Но и этого будет вполне достаточно. Особенно если выбрать для подготовки докладов тех, кто и так уже имеет как все необходимые допуски для работы в самых секретных архивах, так и налаженные хорошие связи в них же. Сталин, Фрунзе и Киров точно будут ему сильно благодарны. Особенно Киров. Ну, когда увидит на фотографиях того времени, в каком виде он предстал перед судом... Кстати, в этом была и некоторая вина Алекса. Потому что, как следовало из той информации, которую парню уже удалось нарыть, одним из самых важных вопросов, ответ на который заговорщики очень сильно пытались «выбить» из Кирова, было место расположения «Будущего-1»...

– ...кроме того, мы рассмотрели и ещё несколько моделей – «бережливое производство», «водопадная модель» или «поточный метод планирования», но на них я останавливаться не буду. А вот на чём я взял на себя смелость остановиться поподробнее, так это на системе «канбан». Хотя это и выходит за пределы формальных рамок вашего задания, но пройти мимо неё я посчитал непрофессиональным. Потому что она была разработана и введена в послевоенной Японии. Где не было никакой стабильности, был дефицит всего, в т. ч. не только управленцев, но и просто грамотных людей. Не правда ли, очень напоминает довоенный СССР? Основной лозунг этой системы: «точно в срок, на каждом участке». Уточняю: не «как можно быстрее», а именно «точно в срок». То есть можно взять и небольшой запас, но... потом уж будь любезен. Оправданий просто нет. Основное отличие от СССР состоит в том, что в нём, наоборот, сильно приветствовались «досрочность» и всякие там «опережения графика», а в системе «канбан» ключевые слова прямо противоположные – «неспешность» и «непрерывность». Но зато процесс задается ещё и как непрерывное совершенствование. А это уже играет в пользу СССР. В конце концов, для него и в те времена, и после был весьма характерен лозунг: «Догнать и перегнать». Что японцам с этой самой «канбан» вполне себе удалось. А такой элемент, как «кружки качества», они прямо содрали у русских, причём в лучшем их воплощении, то есть ещё и как социальный элемент структуры, позволяющий вовлечь каждого работника в дела всего предприятия. Что в СССР декларировалось как одна из целей на протяжении практически всей его истории. Причём весьма громко. В ту же копилку и регулярный «горизонтальный дрейф». В смысле, если человека не получалось повысить, его переводили на сходную должность на смежный участок. Если бы СССР смог полностью внедрить один из ключевых принципов «канбан», заключающийся в том, что каждое предложение, которое «хотя бы не вредит», обязательно внедряется – то результаты были бы очень неплохими. Ведь сталинский СССР к социализму на самом деле имел не очень близкое отношение, больше походя на этакое государство-сверхкорпорацию, что весьма близко именно к японской модели, а не к, скажем, скандинавской...

– Благодарю вас, господин Бхаттар, – подытожил Алекс, когда его собеседник наконец закончил рассказ. – У вас получилась очень интересная работа. Я, конечно, чуть позже куда подробнее изучу присланные вами материалы, но даже из того, что вы мне сейчас изложили, уже можно сделать вывод, что это именно то, чего я хотел. Деньги я вам уже перечислил.

– Да-да, они уже пришли. – Энергичный индус средних лет, чьё изображение сейчас занимало весь экран пятидесятидюймового телевизора, который Алекс использовал в качестве монитора, благодарно улыбнулся и уточнил: – Но там несколько больше.

– Да, это премия за хорошую работу, – улыбнулся в ответ Алекс.

– Что ж, благодарю. С вами было приятно работать...

Закончив разговор с индусом, парень задумался. И что теперь делать? Изначально лезть в высокие, так сказать, сферы, не хотел. Эвон, попытался, блин, поменять Советский Союз и не допустить репрессий... И что? Нравится, как получилось? То-то же... Давно следовало понять, что, несмотря на его, прямо скажем, уникальный жизненный опыт, он по-прежнему

в лучшем случае неплохой инженер. Всё же остальное – далеко за пределами его наклонностей и талантов. Это в книжках здорово читать, как какой-нибудь отставной офицер, инженер или агроном, ничего особенно в жизни не добившийся и доживающий свою жизнь пенсионером-неудачником, или вообще какой-нибудь ленивый и любящий весело проводить время студент-недоучка, либо, наоборот, крутой сисадмин, сутками зависавший на исторических или мистических форумах, попав в некие «обстоятельства», на раз-два-три (ну, или после долгой и упорной, но непременно успешной борьбы с врагами) становится императором, великим полководцем, промышленным магнатом или крутым архимагом. В жизни-то, чтобы стать кем-то могущественным или хотя бы значимым, нужны не столько знания или даже мозги (хотя они отнюдь не помешают), сколько, в первую очередь, особенный склад характера – воля, упорство, умение рисковать и не сдаваться при неудачах, харизма и так далее. Но если у тебя всё это есть, то ты уж точно и в своей «первой» жизни не будешь ни пенсионером-неудачником, ни студентом-недоучкой. А если нет – то никакие знания и умения тебе не помогут. Наоборот, стоит только тебе их проявить, как тут же найдётся кто-то, кто попытается тебя нагнуть и использовать в своих интересах. Ну, как Сталин со товарищи самого Алекса. Совершенно же ясно, что они от сотрудничества с Алексом получают не то что в разы, а на порядки больше, чем он от сотрудничества с ними. Да если уж быть до конца откровенным, последние три такта он на них пашет, считай, бесплатно. Ну, если считать по соотношению затрат и прибылей...

Однако то, что началось как скромная попытка «просто немного улучшить систему управления и принятия решений, более не залезая в высокие сферы», закончилось вот таким образом. И убейте меня семеро, если это всё не означает те самые что ни на есть высокие сферы. И как быть?

А ведь всё началось весьма прилично. Когда, в очередной раз перелопачивая период Великой Отечественной войны этой реальности, он наткнулся на словосочетание, которое ранее считал относящимся исключительно к Первой мировой. «Снарядный голод».

Как выяснилось, та вакханалия репрессий, которая разразилась после убийства Сталина, Фрунзе и казни Кирова, в отличие от сталинских, чей, так сказать, пик ограничился всего лишь парой лет, затянувшаяся аж на пять, по какому-то выверту судьбы почти не затронувшая кораблестроение, химическую промышленность, наоборот, затронула в куда большей степени. Впрочем, возможно, причиной этому послужил сам Алекс. Поскольку в период его пребывания на территории СССР самую существенную часть своего времени он уделял именно химии. Ибо именно в ней он чувствовал себя настоящим специалистом, расценивая все свои усилия в других областях в основном как дилетантские. Так что немудрено, что это направление довольно плотно курировалось лично Сталиным. Да и остальные члены «клики» приложили к нему руку. Взять хотя бы его «контрольный забег» по нефтеперерабатывающим и химическим предприятиям с Кировым во время последнего такта... Поэтому довольно большое число тех, кто трудился именно в химической отрасли, оказалось в глазах новой власти неблагонадёжными. Вследствие чего они в огромном количестве попали под каток репрессий, результатом которых стал резкий кадровый голод в химических отраслях, не только сильно отразившийся в том числе и на производстве порохов и взрывчатых веществ, которое и так в середине тридцатых было не слишком объёмным, но и резко уронивший возможности их наращивания в случае возникновения военной опасности. С небольшими объёмами ситуация сложилась вследствие того, что Сталин со товарищи, узнав от Алекса ключевые исторические даты, приняли решение до тридцать восьмого года на «военку» тратиться по минимуму и начать серьёзно наращивать военное производство только после Мюнхенского сговора. Потому что как раз он фактически и являлся началом Второй мировой войны. Ибо именно после мюнхенского сговора в Европе впервые после Первой мировой войны произошло не просто насильственное, с применением армии, изменение границ суверенного государства, но и вообще полная его ликвидация с последующим захватом. Исчезло с карты государство Чехословакия. Совсем.

Напрочь. Причём, в отличие от аншлюса Австрии, поддержанного и властью, и существенной частью населения, сами чехи и избранная ими власть этого категорически не желали. Но их нагнули. Причём не столько немцы, сколько «хранители мира и добра» в виде Англии и Франции. А Гитлер пришёл и забрал готовое. В какое-то, кстати, входило и вооружение для нескольких дивизий, включая танковые, позволившее едва ли не удвоить ударную мощь новоиспечённого вермахта. Так что не получи Адольф Алоизыч этого вооружения, вкупе со всей чешской военной промышленностью и налаженным производством боеприпасов, ни о каком нападении на Польшу ему и мечтать бы не стоило. Как можно всё это рассматривать иначе, нежели прямое его поощрение на будущие захваты? Да тот самый, пресловутый «пакт Молотова – Риббентропа» на этом фоне просто нервно курит в сторонке... Ой, похоже, кликуши «цивилизованного мира» так старательно выпячивают упомянутый пакт именно для того, чтобы максимально отвлечь внимание от мюнхенского сговора!

Так вот, по планам, до конца сентября тридцать восьмого года развитие СССР должно было идти с куда большим перекосом в сторону мирных областей, чем не только в изначальной реальности Алекса, но и в большинстве остальных. И только после заключения Мюнхенского соглашения Сталин должен был громогласно, на весь мир, объявить, что всё – новая мировая война совершенно точно и однозначно началась и СССР теперь перестраивает экономику на военные рельсы... И так оно и шло. Достаточно сказать, что общий объём производства танков и другой бронетехники в СССР этой реальности к моменту гибели Сталина составил едва пять с половиной тысячи единиц. В отличие от более десяти тысяч, которые были произведены к тридцать пятому году в той реальности, в которой Алекс впервые начал интересоваться этим вопросом. Так что даже подробных планов по существенному расширению производства порохов и взрывчатки на конец тридцать пятого года ещё не имелось. Ими собирались заняться только годах в тридцать шестом – тридцать седьмом. А пока развивали гражданское химическое производство.

Кроме того, сыграло свою роль и то, что после гибели во время «путча» Фрунзе и его близкого окружения, составлявшего наиболее адекватную часть руководства наркомата обороны, и тактикой, и стратегией вновь стали рулить почти сплошь «герои Гражданской войны», безо всякого знания о будущем. Вследствие чего все ошибки начального периода войны изначальной реальности Алекса были здесь повторены в полном объёме – и вынос основной линии укрепрайонов на новую границу, и концепция «войны малой кровью на чужой территории», вследствие чего огромные запасы боеприпасов, снаряжения и топлива оказались сосредоточены в приграничных регионах и точно так же оказались очень быстро захвачены наступающим вермахтом, и размещение значительной части мест дислокации как линейных частей и соединений, так и аэродромов и даже госпиталей в пределах досягаемости не только авиации, но и даже полевой артиллерии вероятного противника, ну и так далее... Что вкупе и привело к тому самому «снарядному голоду», протянувшемуся аж с осени сорок первого до начала зимы сорок третьего. И сильно усугублённому ещё и тем, что новые власти умудрились ещё до нападения на Советский Союз так сильно испортить отношения с США, что программа ленд-лиза оказалась распространена на СССР только в конце сорок второго...

Конечно, можно было бы ничего в этой области не предпринимать. Если Сталин, Фрунзе и Киров останутся на своих местах, никаких особенных проблем с производством порохов и взрывчатки в частности, как и вообще все химической продукции в целом, явно не будет. Как и глупых стратегических решений. И вообще, после того как Алекс принесёт им информацию по «путчу», на нём, совершенно точно, можно будет поставить крест. Ну не тот Иосиф Виссарионович человек, чтобы такое простить и уж тем более ещё раз так подставиться... Но Алекс увлёкся. Возможно, сказала и ностальгия. В конце концов, он же химик, а последние несколько тактов ему пришлось заниматься почти исключительно чем угодно – металлургией, сваркой, производством турбин и вооружения, добычей полезных ископаемых и так далее, но

не химией. Некая отдушина случилась во время последнего такта в прошлом, когда его провезли по ряду химических предприятий, но и там он выступал скорее в качестве ревизора-технолога. Так что он прямо-таки «заболел» этой темой.

Первой технологией, которую он «нарыл», оказался турбодетандер. Изобретённый, кстати, советским учёным Петром Капицей как раз в конце тридцатых годов. Потом Алекс увлёкся ракетными порохами, низкое качество которых, кстати, сильно мешало развитию ракетной техники в тридцатые-сороковые годы. Следующая, так сказать, «прорывная» технология, которая способна была сильно облегчить положение дел с боеприпасами, к химии на первый взгляд не имела никакого отношения. Но её освоение позволяло не только изрядно удешевить производство боеприпасов, но и существенно сократить использование в этом производстве редких и цветных металлов. Это была технология производства стальных гильз... Впрочем, немного разобравшись, он понял, что сильно ошибся насчёт того, что данная технология не имеет отношения к химии. Потому что одним из ключевых элементов этой технологии являлось производство лаков и красок, используемых для покрытия готовых боеприпасов... И вот изучение истории разработки и промышленного освоения этих технологий привели Алекса к совершенно новой области, которой он, к собственному стыду, ранее практически не занимался, а именно – к технологиям управления промышленностью и научно-исследовательскими разработками. А уже попытки что-то понять в этой теме оказались тем последним камешком, за которым последовала лавина, приведшая его к сотрудничеству с господином Бхаттаром и его коллегами...

Алекс тяжело вздохнул и, открыв почту, вывел на экран присланный профессором материал. Разговоры разговорами, но его следовало прочитать. И как можно более внимательно. Причём не столько на предмет наличия «анахронизмов», сколько... ну а как вы думаете, какие у него появились мысли после того, как Ванька прошёл через портал и остался жив? Вот то-то и оно... И дело было не только в том, как убедить Сталина отпустить Эрику. Шанс на это был, и неплохой! За время общения с этим человеком Алекс избавился от очень многих иллюзий и теперь точно знал, что тот не был ни кровавым маньяком, ни злобным тираном. Жёстким руководителем – да, безжалостным к тем, кого считал врагом или предателем, – да, человеком, относящимся к смерти и страданию куда более спокойно, – да, но не тираном и маньяком. А может, дело было ещё и в том, что в этой реальности Сталину не пришлось испытать такие потрясения, как смерть друга от рук, считай, соратников или самоубийство жены? Кто знает... Так что шанс договориться, несомненно, был. Не сразу и, скорее всего, только после того, как получится создать такую реальность, в которой СССР сможет сохраниться и выйти на траекторию устойчивого развития, но был. И самым важным в связи с этим для Алекса становился вопрос: в *какой* мир его жена и сын должны будут прийти? Ибо «победы» той ипостаси СССР, которая сложилась в его изначальной реальности, он совершенно не желал. Да и не верил в неё. Но и с пониманием того, как должен измениться СССР, чтобы стать местом, в котором действительно хочется жить, но при этом точно суметь победить в экономическом противостоянии со «свободным миром», у него был полный швах. Эвон, один раз попробовал – и на тебе! Но и сидеть сложа руки опять же не выход. Ладно, будем уподобляться той самой лягушке из старинной притчи, которая смогла выпрыгнуть из кувшина с молоком¹⁴. С флотом же получилось. Пусть и далеко не с первого раза...

К Рождеству наконец прислал свой материал Краббе, полностью оправдав те надежды, которые Алекс начал питать после того памятного разговора. Помимо подробного полицей-

¹⁴ Жили-были две лягушки. Однажды забрались они в погреб и угодили в кувшин с молоком. Барахтались они, барахтались, и одна лягушка не выдержала и сказала: «Всё! Хватит! Всё равно нам не выбраться, а сил уже нет, будь что будет...» – сложила лапки и захлебнулась в молоке. А другая продолжала упорно пытаться выбраться, пока, уже почти окончательно выбившись из сил, не почувствовала под лапками что-то твёрдое. Это молоко под воздействием её усилий превратилось в масло. Лягушка оттолкнулась от комка масла и выпрыгнула.

ского досье, которое имелось в распоряжении Алекса уже в четырёх вариантах, Гюнтер умудрился собрать информацию о заметной части людей, присутствовавших в тот момент в пивной и её ближайших окрестностях. Причём не только имя, фамилию, возраст и род занятий, но и предыдущий жизненный путь, психологические наклонности, а по кое-кому и причины их появления в данном месте в данное время. А также нарисовал поминутную схему развития происшествия, включающую в себя и маршрут подхода Эрики к точке, с которой она начала стрелять.

А шестнадцатого марта Алекс загрузил в багажник своей машины, которую он прикупил сразу же после того, как решил вопрос с документами, довольно тяжёлый чемодан, заполненный очередной порцией распечаток, основную часть которых составляли материалы по путчу и разработки группы Бхаттара, ну и кое-что ещё, типа чертежей нового варианта авианосца на базе корпуса «Измаила», плюс здоровенный станковый рюкзак на шестьдесят пять литров – с ними же. Можно было бы взять и больше, но бумага – вещь очень тяжёлая, а у Алекса кроме чемодана и рюкзака на руках ещё был сын. Так что пришлось ограничиться именно таким весом и объёмом... После чего усадил Ваньку в детское кресло и двинулся в путь. Через три дня дети из приюта должны были, по традиции, выехать в очередное путешествие, оставив дом «князю До'Урдену». И «князь» был им за это очень благодарен...

Глава 3

Эрика обхватила чашку с горячим шоколадом обеими руками и, поднеся её к лицу, сделала большой глоток. Горячий, сладкий напиток немного обжёг язык и ухнул в желудок, даря телу так необходимое ему тепло. Март в Берлине в начале тридцатых, как обычно, «радовал» холодом и слякотью.

Этот год был для неё очень тяжёл...

После того как она вытолкнула в «портал» мужа и сына, к ней подскочил Зорге и, схватив её за руки, развернул к себе и яростно прошипел:

– Что вы натворили?!

Эрика стиснула зубы и, воткнув в слугу и-и-и... чего уж там, друга мужа яростный взгляд, твёрдо ответила:

– Спасла свою семью. И выполнила свой долг перед ними. А теперь я должна исполнить долг перед своей страной. И вы не посмеете мне в этом помешать!

Зорге несколько мгновений сверлил её каким-то странным потерянно-изумлённо-безумным взглядом, а затем еле слышно выдохнул:

– Он вам ничего не рассказал...

– Что он мне не рассказал? – насторожилась девушка.

– Ничего, – резко ответил Рихард, потом вздохнул и пробормотал: – Наверное, так будет даже лучше...

– Что лучше? – Эрика слегка запаниковала. Похоже, в её столь тщательно обдуманном и разработанном плане, который она лелеяла все последние месяцы, имелась какая-то серьёзная ошибка. Она что-то не учла. Что-то важное...

– Говорите! – повелительно крикнула девушка.

Зорге несколько мгновений молча смотрел на неё, будто решая, рассказывать ей всё или нет, а затем нехотя разлепил губы и холодно произнёс:

– Через временной портал может проходить только Алекс. Один. Все, кто пытался пройти портал вместе с ним или сразу за ним, мгновенно умирали.

Эрика вздрогнула и уставилась на всё ещё держащего её за руки мужчину неверящим взглядом. Нет... Нет! НЕТ! НЕ-Е-ЕТ!!!! Это невозможно! Она же всё так хорошо продумала! Нет! Этого не может быть! Но горький взгляд Зорге не оставлял сомнений...

Девушка с диким звериным воем вывернулась из рук держащего её мужчины и, вцепившись себе в волосы, рухнула на пол...

– Ещё шоколада, фрау?

Эрика вздрогнула и подняла взгляд на подошедшего официанта.

– Нет, спасибо. Мне уже пора. Сколько с меня?

– Одиннадцать пфеннигов, – мгновенно отозвался официант. Ну да – она же не брала ничего, кроме шоколада.

Расплатившись, девушка взяла сумочку и, выйдя из кафе, медленно побрела по Унтерден-Линден. Что ж, прошедший год показал, что она полная дура и бездарь. Он начался с чудовищной ошибки, но эта ошибка касалась только неё и её семьи, а закончился катастрофическим провалом всех усилий, благодаря которому её страна вновь будет ввергнута в те чудовищные бедствия, о которых рассказывал Алекс... От этого имени у неё заныло сердце. Любимый. Её солнце. Её свет... И тот, кто теперь ненавидит Эрику больше всех в мире. Потому что именно она, из-за своей глупости и самоуверенности, убила их ребёнка. Вряд ли она его теперь когда-нибудь увидит...

Прошедший год запомнился ей диким напряжением, постоянным недосыпом и бесконечной чередой разочарований. Она не пропускала ни одной возможности рассказать, разъяс-

нить, прокричать о том, к чему приведёт захват власти этим взбесившимся быдлом, в своём националистическом и шовинистическом угаре потерявшим всякий разум. Но всё оказалось напрасно. Никто не хотел её слушать. Даже те самые коммунисты и евреи, на которых, судя по тому, что ей рассказывал Алекс, захватившие власть «наци» обрушат самые большие репрессии. Более того, если сначала в высшем обществе к ней хоть как-то прислушивались, хотя бы из вежливого интереса, то после того, как она выступила на паре коммунистических митингов, от неё все отвернулись. Совсем все. Даже папа...

– Смотри-смотри, это «Красная графиня».

Эрика еле заметно вздрогнула, но тут же расправила плечи и гордо вскинула голову. Это презрительное прозвище преследовало её везде. Но она старалась нести его гордо и непоколебимо. Ну как герой романа Мишеля Зевако «Le Capitain», шевалье Франсуа де Капитан¹⁵, которого враги также наградили презрительным прозвищем, а он сделал его боевым кличем, услышав который все они приходили в ужас.

– Эту красную шлюху давно следует вздёрнуть, – прорычал кто-то в ответ.

– Ха, но сначала я бы её разложил. Ты смотри, какая фигурка. Да и личико вполне себе ничего...

Эрика вспыхнула и резко развернулась. У входа в пивную, которую она только что прошла, стояло двое уродов, одетых в ненавистную форму так называемых штурмовиков этого ничтожества Рёма, словно ручная собачка виляющего хвостом у ног злобной твари Гитлера.

– Что, шлюшка, уже потекла? Давно не чувствовала между ног хорошей мужской палки? Так иди сюда. Мы тебе поможем, – глумливо рассмеялся тот, который, судя по голосу, хотел её «разложить». И пошло подмигнул.

Эрика скрипнула зубами и нервно сунула руку в сумочку, где после пары неприятных встреч давно нашёл своё место компактный и удобный «вальтер ППК», подаренный на их с Алексом свадьбу... Так, всё, не надо вспоминать об этом. Не стоит. Нельзя! Эрика стиснула рукоятку пистолета... но прежде чем она успела выхватить его, на её узкую, натянутую в тонкую замшевую перчатку ладонь внезапно опустилась широкая мужская рука. А затем такой родной, но уже почти забытый голос холодно произнёс:

– Я думаю, вам следует извиниться перед леди.

– Ух ты, – радостно взревел «похотливый», – защитничек объявился. А если мы не извинимся, то что?

Эрика сжалась, не столько ожидая ответа штурмовика, сколько просто не решаясь заглянуть в глаза человеку, сына которого она убила...

– Ничего. Трупы я обычно прощаю. – Эту фразу голос произнёс ещё на десяток градусов холоднее. И это произвело впечатление. Во всяком случае, оба штурмовика слегка побледнели и напряглись. Но всё равно попытались хорохориться.

– Ты не посмеешь выстрелить. Нас здесь...

– Дах-дах! – С голов обоих штурмовиков сшибло их форменные кепи. После чего всё тот же голос мертвенно-спокойно произнёс:

– Это последняя возможность.

– Кхм...

В этот момент входную дверь пивной, рядом с которой стояла эта парочка штурмовиков, кто-то резко дёрнул, похоже, попытавшись открыть.

– Дах-дах-дах-дах!

От выстрелов, пришедшихся по верхней части двери, во все стороны полетели щепки, а внутри пивной что-то заорали. Но скорее испуганно, чем от боли.

---

¹⁵ По этой книге в 1960 году сняли прекрасный франко-итальянский фильм, главную роль в котором играл знаменитый Жан Марэ. Поищите в сети.

– И так?

– Кха... прошу нас извинить фрау, мы были... м-м-м... невежливы, – с натугой произнёс один. Второй пару мгновений помялся, но тоже выдал из себя:

– Прошу простить, был неправ и груб.

– Не стоит заставлять меня возвращаться, – всё так же холодно произнёс голос, после чего Эрика почувствовала, как уверенная рука её... мужа ли, судии ли, увлекла её за собой.

К удивлению девушки, никаких выкриков в спину или попыток догнать их так и не последовало. Так что некоторое время они просто быстро шли сквозь изрядно поредевшую толпу, пару раз свернув, но куда именно, девушка не смогла толком разглядеть благодаря слезам, ручьём льющимся из её глаз. Наконец Алекс остановился и, развернувшись, протянул руки и мягко положил свои сильные ладони на её плечи. Эрика всхлинула.

– Алекс, я-а...

– Не говори ничего, – прервал он её и, притянув к себе, крепко обнял. – Я едва не опоздал. Всё оказалось совсем не так, как было на схеме, – не слишком понятно произнёс её мужчина. – Ты подошла совершенно с другой стороны. Не там, где я тебя ждал...

Но девушке надо было выговориться. Слишком долго она носила в себе своё горе.

– Алекс, клянусь, я не знала, что... – Но тут её губы оказались замкнуты мужским указательным пальцем. А её любимый муж улыбнулся и тихо произнёс:

– Ванька спит в отеле. Мы гнали как могли – трое суток сплошных поездов, вокзалов, автомобилей, и даже пару раз пришлось использовать катера и паромы. Так что он очень измучился. Но до того как отрубиться, всё время настаивал, что непременно сам пойдёт и встретит маму.

Эрика вздрогнула и прикипела неверящим взглядом к лицу мужа.

– Он... он жив?

– Да, – с лёгкой улыбкой кивнул Алекс. – И очень по тебе соскучился...

К тому моменту, когда они добрались до отеля, Ванька уже проснулся. И жутко обиделся, не обнаружив рядом ни папы, ни мамы. Сел в углу, обхватив здорового китайского плюшевого панду, которого Алекс прикупил ему где-то полгода назад, там, в будущем, и который с того момента стал его любимой игрушкой, и молча недобро зыркал на всех, кто к нему приближался. Этаким маленький боец, занявший удобную для обороны позицию и собирающийся защищать её до конца. Но едва только Эрика вошла в номер, он не выдержал и, выскочив из угла, повис на ней и-и-и... разревелся. Сразу же превратившись в маленького мальчика, который очень сильно скучал по маме.

Берлин они покинули через три часа после той встречи на Унтер-ден-Линден, которая вернула Эрике жизнь и надежду. Сильно торопил Зорге.

– То, что за вами не увязались сразу, ещё ничего не значит. После вчерашнего триумфа в рейхстаге город переполнен штурмовиками, так что даже если вас, герр и фрау До’Урден, не стали искать в тот же момент, то сейчас уже точно ищут. Сами понимаете, кого атаковали.

Услышав это, Эрика недоумённо покосилась на Алекса. Кто-то из штурмовиков был из их руководства? Как-то не похоже. Оба выглядели как такие типичные болванчики... И тот пояснил:

– В пивной был Гитлер со своими бандитами.

Эрика зло скрипнула зубами.

– Убила бы!

– Без толку, – покачал головой муж. – Дело не в человеке, а в системе. Она уже создана и будет работать как запрограммировано, не обратив внимание на то, что один руководитель сменится другим. Германия беременна нацизмом. – Потом вздохнул и добавил: – К тому же ты попыталась. Ну, в истории той реальности, из которой я вернулся. Однако вышло только

хуже. Застрелить Гитлера из своего пистолета со слишком слабыми патронами ты не сумела, а раны только добавили ему популярности...

Город они покинули на трёх такси, оплатив немалую сумму за поездку до Нойруппина. Соваться на вокзал Зорге и Алекс посчитали опасным. Эрика устроилась на заднем диване среднего «Опеля», крепко прижав к себе сына и привалившись к твёрдому плечу мужа. На сиденье рядом с водителем устроился Рихард. Ещё две машины были заняты сопровождающими – крепкими молчаливыми мужчинами в плащах и костюмах с оттопыренными под мышкой пиджаками.

– Как он смог выжить? – тихо спросила Эрика у мужа, когда Ванька задремал.

Алекс вздохнул и пожал плечами.

– Не знаю. Сам всё это время ломал голову. Вариантов несколько: во-первых, возможно, дело в том, что в нём моя ДНК.

– ДНК? – озадаченно переспросила Эрика.

– Дезоксирибонуклеиновая кислота – такая сложная макромолекула, с помощью которой записан генетический код человека. Ну, типа, биологическая буква такая... – пояснил Алекс. – Передаётся от отца к сыну или там дочери... ну и дальше. Совпадающие участки ДНК, подтверждающие родство, можно проследить через множество поколений. Так что, если идентификация доступа к portalу идёт через ДНК, возможно, он посчитал Ваньку за своего.

– От отца к сыну? – уточнила Эрика.

– От матери тоже. ДНК ребёнка – смесь родительских ДНК, – с короткой задержкой пояснил Алекс. И девушка поняла почему. Ведь если дело в этом самом ДНК, у неё никаких шансов пройти через портал нет.

– Второй вариант – наличие контакта со мной, – продолжил между тем парень. – В момент перехода через портал Ванька обнимал меня руками и касался губами моей щеки. Может быть, такой контакт тела с телом как-то защищает другого человека. Но тут надо смотреть, делать эксперименты, потому что, если это не так, мы получим очередные трупы. Третий может быть связан с самим порталом, не исключено, что невозможность перехода дискретна и срабатывает только на каждый третий переход, либо наоборот, возможна лишь каждый пятый. Вариантов много...

Пунктом, в котором Алексу с Эрикой и Ванькой удалось хоть немного перевести дух, стал Копенгаген. До столицы Дании они добрались на поезде, сев на него как раз в Найруппине. Слава богу, нацисты пока ещё не успели полностью подмять под себя органы государственного управления и полицию страны, так что в их розыске, который, несомненно, развернулся уже во всю катушку, даже в Берлине они могли рассчитывать в основном на свои параллельные структуры типа тех же штурмовиков. А в этом небольшом городке их не оказалось. Ну, или просто до местных штурмовиков ещё не дошла необходимая информация...

Судно до Ленинграда они прождали почти неделю. Причём Алекса с семьёй Зорге разместили не в каком-нибудь отеле, а на небольшой ферме неподалёку от Вангедэ. Дабы максимально исключить любые возможности идентификации. Мало ли как далеко протянулись щупальца «наци»... И вообще, Рихард хлопотал вокруг них троих, как насадка над цыплятами. Так, например, благодаря ему на соседней ферме удалось найти няню для Ваньки. Вследствие чего Алекс уже на следующий день после заселения вполне наглядно и физически достоверно доказал Эрике, что он её по-прежнему любит. Ну, пока Ванька гулял с няней... И слава богу! А то бы точно прибежал спасать маму или, как минимум, достал бы няню вопросами, почему мама так кричит...

В Ленинграде их уже ждали. Все вопросы с поездками, местами, билетами были решены ещё до момента их прибытия. А уж как Алекса ждали в Москве... Впрочем, после той информации, которую он приволок, это было немудрено. Чемодан и рюкзак с распечатками Зорге отправил «по адресу» с парой сопровождающих прямо из дома под Унтершехеном практиче-

ски одновременно с их отъездом в Берлин. Так что все сведения уже давно были в Москве. И, несомненно, произвели там фурор.

Алекса сняли с поезда в Химках и, заверив, что семью встретят и обустроят по полной программе, на новеньком американском «Паккарде» доставили прямо в Кунцево, на Ближнюю дачу, где его уже ожидал весь «триумвират» в полном составе. Причём дорога была проложена довольно кружным путём. Похоже, «триумвират» чего-то серьёзно опасался. Ну да это было немудрено. После принесённых материалов-то...

Сталин не просто поздоровался с ним за руку, но ещё и крепко его обнял, а затем, заглянув Алексу в глаза, проникновенно произнёс:

– Спасибо. Информация, которую вы нам доставили, очень важна. И дело не в наших жизнях. Я более чем уверен, что всё произошедшее очень сильно откатило страну назад. И война на этот раз прошла для СССР куда тяжелее.

– Ну да, – несколько смущённо отозвался Алекс, слегка выбитый из колеи столь неожиданным проявлением эмоций со стороны человека, которого он считал настоящим «камнем». – Потери были больше, и немцы в этот раз также продвинулись дальше. Но в общем это был ещё не самый плохой вариант. Хотя откат был действительно сильный...

– Понятно, – серьёзно кивнул Сталин. – И всё равно спасибо. И хотя мы, как коммунисты, готовы, не колеблясь, отдать свои жизни за свободу рабочего класса и победу первого в мире социалистического государства, просрать их бездарно и бесполезно было бы весьма обидно. Так что за нами – долг жизни.

Алекс смущённо кивнул. И постарался перевести тему:

– Там часть материалов – скорее предположения, чем факты. Те, кто готовил эту информацию, сказали, что сразу после «путча» партийные и государственные архивы сильно почистили. Так что многое пришлось восстанавливать по косвенным сведениям – архивам НКПС, кадров РККА, милиции, табелям учёта рабочего времени некоторых контор и так далее. А многое восстановить и не удалось. Нет, общей информации – вагоны, как и всяких глубокомысленных рассуждений и предположений, а вот достоверной конкретики заметно меньше. Но вам же нужна именно конкретика... Так что сделал всё, что мог. – Он сделал паузу и добавил: – А насчёт долга жизни... не думаю, что я так уж его заслужил. Информацию по путчу я бы вам по-любому принёс.

– Вы второй раз используете это немецкое слово. Оно у вас в будущем так распространено? – поинтересовался Фрунзе.

– Немецкое? – удивился Алекс. Он считал его испанским или португальским. Поскольку оно у него ассоциировалось скорее с Латинской Америкой...

Как бы там ни было, благодарности закончились быстро. После чего перешли к вопросу, который, похоже, волновал собравшихся более всего.

– Ну, возможность перехода в будущее не только одного вас мы, благодаря не очень... хм-м... разумному поступку фрау До'Урден, теперь можем считать доказанным. И это открывает перед нами весьма интересные перспективы, – сразу взял, так сказать, быка за рога Сталин.

– Не думаю, что эту возможность уже можно учитывать как реальную, – попытался немного притушить его энтузиазм Алекс. – Пока не выяснен механизм предоставления доступа, утверждать ничего невозможно. Возможно, он завязан на...

– ДНК, – согласно кивнул Сталин. Вызвав у Алекса настоящее изумление. Откуда... Ах да, Зорге ехал с ними в одной машине. Говорили же они с Эрикой по-русски. Опасаясь таксиста. Бы-быстро тут дела делаются. А он-то думал, что они тут, засучив рукава по локоть, с «путчем» разбираются...

– Это – вполне может быть, – согласно кивнул Иосиф Виссарионович. – Но мы считаем более вероятным другой вариант – непосредственный телесный контакт с вами. Хотя он, конечно, требует тщательной проверки. И-и-и... хочу вас успокоить. Если всё подтвердится,

конечным итогом всех наших исследований, несомненно, станет переправка в будущее всей вашей семьи. Более того, я гарантирую, что это произойдёт точно до начала боевых действий во Второй мировой войне...

А вот этим Сталин мгновенно купил Алекса со всеми потрохами. За подобную возможность парень был готов на всё. Тем более что, когда они уже подплывали к Ленинграду, Эрика обрадовала его одной необычной новостью.

– Не знаю, это пока ещё не точно, но, похоже, любимый, ты скоро снова станешь папой. У меня задержка уже на две недели...

Следующие тридцать с лишним часов Алекса с Ближней дачи не выпускали. Нет, «пытали» его не непрерывно. Были и обеды, и ужины, и завтрак, и даже почти шесть часов оказалось выделено на сон. Более того, Сталин предложил прерваться и посмотреть «новый американский фильм», но Алекс отказался, попросив лучше истопить ему баню, где с наслаждением вымылся. К бане он пристрастился именно в СССР. Увы, все остальные способы помывки здесь заметно уступали своим аналогам из будущего, а вот баня практически всегда была на уровне. А то и с какой-нибудь изюминкой... Впрочем, приёмы пищи вряд ли можно было засчитать за отдых, поскольку вопросы и обсуждения продолжались и во время них.

К удивлению парня, одной из наиболее заинтересовавших его собеседников тем стало то, как кораблестроение смогло пройти через развязанные «путчистами» репрессии, практически не сбавив оборотов. Ведь, судя по тем данным, которые приволок Алекс, все остальные отрасли пострадали, и довольно заметно.

– Ну-у-у... специально этим вопросом я не занимался, – осторожно заговорил Алекс. – Но, по-моему, дело в том, что кораблестроители успели до начала масштабных репрессий выйти на, так сказать, серийное производство.

– Судя по приведённым вами цифрам, автомобилестроители или, например, танкостроители – тоже. А у них провал оказался очень большим, – возразил Киров.

– Э-э нет, тут как раз всё по-другому. Да, основные предприятия этих отраслей к тридцать пятому году действительно вышли на конвейерное производство серийной продукции. Но – старой! А тридцать пятый – тридцать восьмой годы в этих отраслях – это практически во всех предыдущих тактах как раз освоение совершенно новых моделей и образцов, во время которого значимость инженерно-технического персонала среднего и высшего звена резко возрастает. То есть для того, чтобы поставить на производство новую модель автомобиля, трактора или, там, станка либо турбины, очень сильно требуются не только конструкторы и инженеры-разработчики, но и технологи, и инженеры производств, и многие другие специалисты, которых как раз в тот момент и начали гнать за «контрреволюционную деятельность». А без них начались проблемы даже при производстве освоенной серийной продукции. Потому что даже налаженный цикл, вследствие действий по постановке на производства новых образцов, неизменно начинает сбоить. И его приходится постоянно, так сказать, «править по месту». Регулировать. Выводить одни мощности на реконструкцию под новые образцы и перебрасывать производство каких-нибудь комплектующих на другие. А кое-что вообще снимать с производства, предварительно создав необходимый запас. И вот тут как раз и нужны люди с инженерными мозгами и опытом работы в имеющемся производственном цикле. А их начали сажать! – Алекс вздохнул. – Самым разумным в этой ситуации было бы вообще не дёргаться, а, отложив переход на новые модели на несколько лет, продолжать тупо гнать пусть и устаревшую, но уже освоенную в производстве продукцию. Но ведь уже принятые планы из-за репрессий никто отменять и не подумал! А в них был записан именно переход на новую продукцию. Вот всё и посыпалось...

– А с кораблестроением разве не так?

– В том-то и дело, что не так! Там загребли верхушку, самые сливки – разработчиков, самую элиту технологов и так далее. И в обычной ситуации это было бы фатально. Но-о-о...

в ситуации, когда все вопросы внедрения, в том числе и с моей посильной помощью, были уже решены, это оказало на уже налаженное и набравшее хороший темп серийное производство чрезвычайно малое влияние. – Тут Алекс запнулся и, поняв, что, кажется, переоценил способность внятно излагать собственные мысли, решил зайти несколько с другой стороны: – Не знаю, рассказывал ли я вам, что такое «ноу-хау»¹⁶...

Рассказ затянулся, а когда Алекс закончил, Киров задумчиво произнёс:

– То есть вы считаете, что чертежей и чего-то типа сходной освоенной технологии может быть мало? И подобные «знать как» могут быть в любом технологическом процессе?

– Ну да, – кивнул Алекс, обрадованный, что ему удалось-таки объяснить именно то, что он и хотел. – Если на чертеже стоит деталь и код материала, но при этом отсутствует знание, что вот конкретно эту деталь нужно сначала нагреть до температуры тысяча десять градусов плюс-минус пятнадцать градусов и только при этой температуре осаживать на, скажем, казённый орудия, да ещё и разогретый не менее чем до семисот градусов, то, даже если все линейные и посадочные размеры и материал совмещаемых деталей будут полностью идентичны чертежу, ничего не получится. Причём вот такие детали зачастую выявляются именно в процессе дальнейшего совершенствования конструкции. На основании опыта эксплуатации. То есть первоначально никаких нагревов и не предусматривается, а вот потом – когда, скажем, казённая часть орудия начинает крошиться и трескаться уже после трёх-четырёх сотен выстрелов, инженеры и технологи и приступают к поиску путей решения выявленной проблемы. Смотрят, что может помочь – замена ли материала, дополнительная ли закалка или вот такие «технологические примочки», либо вообще полная переработка конструкции данного узла. Именно на этом этапе роль инженеров и технологов наиболее велика!

Киров усмехнулся.

– А в первый раз вы, Алекс, привезли именно чертежи. Поэтому у нас тогда всё так и застопорилось с кораблестроением.

– Да, в основном так. А вот во второй как раз я приволок много таких вот «ноу-хау», которые к концу тридцать пятого уже вполне освоили как на верфях, так и на заводах, производящих судовые установки, вооружение, средства связи, корабельную броню и так далее.

– То есть к моменту репрессий эти самые «ноу-хау» были уже полностью освоены, вследствие чего для поддержания производственного процесса в судостроении оказалось достаточно наличия на местах всего лишь квалифицированных мастеров, а кое-где даже и просто опытных рабочих, – задумчиво констатировал Киров. – В то время, как в других отраслях...

– Ну да, я именно это и имел в виду! – облегчённо выдохнул Алекс. – Конечно, это не позволило поставить в серию новые проекты, которые уже вовсю разрабатывались, но, как выяснилось, и те образцы серийных кораблей, которые мы с таким трудом осваивали, к началу войны выглядели вполне достойно. Даже на фоне более новых разработок других стран. Более того – эсминцы проекта девять¹⁷ наше кораблестроение вполне себе продолжало клепать аж до сорок девятого года. С некоторыми изменениями, конечно, но не такими уж и большими. И, должен заметить, даже к концу войны и на фоне самых новейших проектов других стран они смотрелись отнюдь не аутсайдерами, а, как минимум, крепкими середнячками...

– А почему вы сразу не привезли эти самые «ноу-хау»?

– А где бы я их взял? – усмехнулся Алекс. – В той реальности, в которой были подготовлены чертежи новых крейсеров и эсминцев, ну и всех других кораблей и катеров тоже, их ещё

---

¹⁶ (От английского *«know how»* – «знать как») – некий технологический приём, метод или специализированный инструмент, использование которого, как минимум, существенно влияет на стоимость или конечный результат технологии и иного производственного процесса и может быть защищено патентом.

¹⁷ Проект 9 – проект эсминцев текущей реальности, отличающийся от строившегося в нашей реальности проекта 7 большим водоизмещением, намного более сильным зенитным вооружением, а также оснащением ГАС, производство которых советская промышленность смогла освоить благодаря помощи попутанца, и реактивными бомбёжками.

просто не существовало. Потому что подавляющее большинство «ноу-хау» появляется именно при организации производства и дальнейшего совершенствования конструкции. В процессе решения вполне себе приземлённых задач типа усиления отдельных элементов конструкции, повышения ресурса комплектующих и устранения недостатков, выявленных в процессе эксплуатации, и так далее. Нет, часть таковых, конечно, может, так сказать, перейти по наследству, если новый образец является развитием ранее освоенного... Но у нас ведь и наследства-то не было! Сами вспомните, с чего начиналось советское кораблестроение – с достройки лёгких крейсеров типа «Светлана», проект которых был разработан ещё до Первой мировой войны, то есть на технологиях самого начала века. Ну и какие «ноу-хау» оттуда можно унаследовать?..

До знакомого особняка, в котором снова разместилась его семья, Алекс добрался только около одиннадцати вечера следующего дня. Дом встретил его тишиной. Охранник, притворявшийся швейцаром, молча принял у него пальто, после чего Алекс усталым шагом поднялся на второй этаж. Здесь также было тихо. Он ввалился в спальню, буквально содрал с себя одежду и побрёл в ванную комнату, которую ещё в прошлый такт ему удалось обустроить максимально близко к своим вкусам. Ну там ванная, душ, вместо стен, крашенных масляной краской в два цвета, – деревянные и мраморные панели и так далее... На задворках сознания мелькнуло удивление по поводу куда-то исчезнувшей Эрики, но Алекс был настолько уставшим, что никак на это не отреагировал.

Перед самой дверью ванной Алекс притормозил и смачно, едва не вывернув челюсть, зевнул, после чего толкнул дверь, сделал шаг вперёд и-и-и... замер столбом!

Ванная комната была освещена свечами, а трюмо и пол были усыпаны лепестками роз. Алекс чуть повернул голову и икнул. Эрика, нагая, сидела на краю наполненной водой массивной чугунной ванны и о-о-очень эротично улыбалась ему... Насладившись изумлением парня, его жена грациозно поднялась и, сделав два шага, от которых у Алекса стало дыбом буквально всё, провела своим пальчиком ему по груди и промурлыкала:

– Дорогой, Ванечка сегодня ночует у няни. А й-а-а-а... собираюсь хорошенько покричать. Присоединишься?

Глава 4

– Нет, вы серьёзно? Вот это вот уже удалось кому-то воплотить в жизнь?!

Директор Центрального института труда¹⁸ Алексей Капитонович Гастев нервно пробежался по кабинету, потирая рукой лоб. Остановившись у окна, он резко развернулся к Алексу и заговорил:

– Знаете, выглядит всё довольно просто, но за видимой простотой скрывается колоссальная работа. И в наших условиях почти безнадёжная. Нет, в основе своей всё правильно, мы сами ратуем за качественную и аккуратную работу. Вот, почитайте нашу памятку: пункт одиннадцатый – «Работай ровно, работа приступами, сгоряча, портит и работу, и твой характер». Но то, что вы предлагаете, я считаю абсолютно невозможным. Это, скорее, для немцев. Русским характерен порыв, надлом, лихая удаля! Мы, поднатужась, можем горы свернуть. А вот это всё: «медленно и непрерывно» – это не для нас.

Алекс покачал головой.

– Алексей Капитонович, ну как вы не понимаете – порыв нужен, чтобы бревно одним махом поднять или там костыль в шпалу заколотить. Но с каждым десятилетием подобной работы будет становиться всё меньше и меньше.

– И как это вы, позвольте мне спросить, собираетесь строить железные дороги, не забывая костыли в рельсы? – ехидно поинтересовался его собеседник.

– Очень просто, – пожал плечами парень. – Костыли в рельсы будут забивать машины.

Гастев саркастически вздёрнул брови. Алекс вздохнул и, поднявшись, подошёл к стене, на которой висела обыкновенная школьная доска, вся исчерканная какими-то схемами, графиками и значками. Он взял тряпку и, бросив на директора Центрального института труда вопросительный взгляд и дождавшись его кивка, стёр с доски нарисованное, после чего, ухватив мел, начал рисовать путеукладчик. Да-да, стандартный путеукладчик, что-то вроде типа УК-25/9-18.

– Плети рельсов собираются в тёплом ангаре и выверяются с помощью уровня и транспортира до миллиметра, потом грузятся на платформы, из которых формируется путеукладочный поезд. После чего этот поезд выдвигается на готовую насыпь, уже сформированную бульдозерами и уплотнённую катками, к месту укладки рельсов, где оператор, из тёплой кабины, краном аккуратно укладывает их на подготовленную щебёночную подушку. Очень аккуратно. И точно. До миллиметра. Остаётся только соединить стыки. Стыковыми накладками или сваркой. Стандартная производительность – полтора-два километра рельсового пути за восьмичасовую смену.

Гастев удивлённо присвистнул.

– А экипаж у такой машины сколько?

Алекс пожал плечами.

– Не знаю, но думаю, не больше десятка человек.

– Хм, а шоссированные дороги как тогда будут строиться?

– Тоже машинами и тоже с точностью до миллиметра. Используя систему спутниковой навигации, – усмехнулся Алекс.

– Как это? – недоумённо вскинулся Алексей Капитонович. Парень тяжело вздохнул и принялся рассказывать...

---

¹⁸ Центральный институт труда – научно-методический центр в области научной организации труда, существовавший с 1924 по 1940 год. В 1940-м передан в Наркомат авиационной промышленности. Сейчас его правопреемником считается Национальный институт авиационных технологий.

Страну лихорадило. В принципе, тридцать третий год и в той реальности, историю которой парень изучал перед последним своим переходом в прошлое, прошёл достаточно напряжённо. Потому что именно в этом году в партии начала активно формироваться та самая оппозиционная группировка, которой в конце концов удалось свергнуть «преступную клику Сталина – Кирова – Фрунзе». Но информация о «путче», которую принёс Алекс, ситуацию резко обострила.

Дело в том, что внезапная смерть Троцкого (ага-ага, верим), наряду с положительным эффектом, заключавшимся в том, что оппозиция Сталину в партии потеряла своё самое авторитетное и сильное «знамя», вследствие чего во всех предыдущих реальностях ничего серьёзно угрожающего его влиянию внутри партии сформироваться не смогло, имела и отрицательный. Он заключался в том, что если в изначальной истории партия до середины тридцатых прошла через несколько так называемых «чисток»¹⁹, заметно уменьшивших в её составе долю тех, кто в своё время активно поддержал Троцкого, правую оппозицию, трудовую партию и целый сонм остальных фракций и уклонов и прочих потенциальных оппозиционеров, то здесь этого не случилось. До прошлого такта это не слишком мешало, потому что сформировавшаяся в руководстве партии группа «Сталина – Кирова – Фрунзе», по понятным причинам поддерживающих друг друга совершенно безоговорочно, обладала в партии практически абсолютным влиянием и авторитетом. Ну ещё бы: они не то что с экономическими или политическими тенденциями – с погодой угадывали! Отдельные же проблемы, которые неизбежно время от времени вылезали, как правило, успешно купировались точечными воздействиями на основе приносимой Алексом из будущего информации. И чаще всего – намного ранее, чем эти проблемы начинали приносить действительно значимый вред. Но так было только до прошлого перехода Алекса. А вот год с небольшим назад всё резко изменилось... Судя по всему, дело оказалось в том, что все предыдущие разы Алекс таскал в прошлое в основном чертежи и технологии, а также информацию о совершённых ошибках и возможных серьёзных выигрышах, что совершенно не затрагивало, так сказать, самые основы советского строя. Вследствие чего внутренняя политика и экономический курс СССР почти никак не отклонялись от, так сказать, «генеральной исторической линии». И даже притаскиваемые Алексом из будущего материалы по социологии, социальной психологии и всему такому прочему всё равно сначала, грубо говоря, пропускались через «фильтр» марксистской теории, а уж потом по итогам этой «фильтрации» принимались или отвергались. Но недаром говорится, что капля камень точит.

И информация о том, что СССР раз за разом проигрывал, так сказать, «социалистическое соревнование» с «миром капитала» и распадался, и усилия самого Алекса, который был совершенно уверен в том, что социалистическая экономика – тупик, и потому всё время таскал Сталина и компании самые последние экономические исследования и теории виднейших экономистов (которые, естественно, почти сплошь были представителями западных экономических школ), привели к тому, что воззрения читавших все эти материалы Сталина, Кирова и Фрунзе исподволь начали меняться. Особенно сильное воздействие на них произвела информация о современных ему Китае и социальных государствах Запада типа Канады, Норвегии или Швеции, в которой, в её изначальной реальности, коммунисты уже распадавшегося СССР внезапно смогли обнаружить «настоящий социализм». Ну не укладывался у них в голове, как может социализм сосуществовать не то что с тотальной частной собственностью, но и с монархией! Но это – было, а значит, «самую верную и точную» теорию нужно было как-то «дорабатывать». Но проблема оказалась в том, что подобная смена взглядов происходила только у них.

---

¹⁹ «Чистка партийных рядов» – совокупность организационных мероприятий по проверке соответствия членов коммунистической партии предъявляемым к ним требованиям. Практиковались в ВКП(б) в 1920–1930-е годы. Наиболее массовые чистки произошли в 1921, 1929 и 1933 годах.

Основная масса «партийцев» так и продолжала оставаться в плену своих прежних воззрений. Вследствие чего постепенно зародился и чем дальше, тем больше начал шириться некий разрыв между «группой Сталина» и основной партийной массой, существенную часть которой, как уже упоминалось, по-прежнему составляли люди, которые в изначальной реальности активно поддерживали устремления Троцкого. Те изменения, на которые Сталин и его команда пошли под действием новой порции материалов, принесённых Алексом как раз во время прошлого «прыжка в прошлое», похоже, оказались именно той самой соломинкой, которая и переломила спину «верблюду» лояльности широких партийных масс, вызвав будущей осенью практически взрывной рост поддержки оппозиционной группы Зиновьева, Каменева и примкнувших к ним Смирнова, Бухарина и Енукидзе. Ведь никто из коммунистов, кроме трёх членов «группы Сталина», не читал материалов Алекса и не представлял, что их страна, продолжая раз за разом двигаться по рельсам ортодоксального марксизма, который казался им «всесильным, потому что верным»²⁰, также раз за разом приходила к своему краху... Вследствие чего в прошлом такте Сталину и компании пришлось почти два года очень осторожно восстанавливать своё влияние в партии и госорганах, и уже потом, похоже, планировалось перейти к более радикальным средствам. Ибо иначе получалось, что они воюют не с какими-то там отдельными оппортунистами, а с огромной частью собственной партии... Однако перейти к ним они, увы, не успели. Процесс был прерван «ноябрьским расстрелом».

Но в настоящий момент ситуация уже развивалась совершенно по-другому. Практически через месяц после перехода Алекса, во второй половине апреля тридцать третьего, Сталин неожиданно поменял руководство НКВД и ЦКК, которые возглавили приснопамятные Алексу Ежов и Мехлис. Чем был вызван подобный выбор (который Алексу, кстати, совершенно не нравился) – парень не знал. Но, в конце концов, это было и не его дело. Хватит, уже попытался влезть в, так сказать, высокие сферы и сдвинуть ситуацию по своему разумению. Больше не надо... Ещё через пару месяцев от своего поста был отстранён Тухачевский, который попал под следствие в связи с обвинениями в «бездарной растрате» средств, выделенных на научно-технические исследования в области технического оснащения РККА. Затем в прессе развернулась громкая кампания против «группировки, окопавшейся в руководстве Коминтерна», которая вела «авантюристическую, левацко-анархическую политику», следствием которой стал, в частности, «раскол и дискредитация рабочего движения Германии» и, как следствие, приход к власти в Германии «антикоммуниста и антиинтернационалиста» Гитлера. Короче, к намеченному на январь XVII съезду ВКП(б), на котором в прошлой реальности как раз и произошло окончательное оформление противостоящей Сталину со товарищи оппозиции, на этот раз эта самая оппозиция должна была подойти в намного более ослабленном состоянии. И более того, серьёзно расколотой. Но насколько серьёзно – Алекс пока ещё даже и не догадывался...

Из Центрального института труда парень смог вырваться только после шестнадцати часов. Когда у Гастева началось рабочее совещание. Впрочем, тот активно зазывал Алекса и на него, но парень отговорился тем, что и так уже провёл в институте куда больше времени, чем собирался, и поэтому теперь у него цейтнот. Хотя на самом деле никакого цейтнота не было. Просто усталость.

Алексей Капитонович Гастев оказался тем ещё фруктом. Слесарем и выпускником Парижской высшей школы социальных наук, начальником уголовного розыска Новониколаевска²¹ и секретарём ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов, директором Центрального института труда, а также ещё и поэтом и писателем. Естественно, что подобная биография не могла не отразиться на общей неужённости его характера. Ну, или, наоборот, именно неужённый

²⁰ «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» – цитата из работы В.И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма». Одна из самых любимых цитат советской пропаганды.

²¹ Название Новосибирска до 1926 года.

характер стал главной причиной подобной, так сказать, биографической всеобъемлемости. Так что отвертеться удалось с трудом. Но удалось...

А вообще в Центральном институте труда Алекс оказался по воле Сталина. Потому что, согласно планам «триумвирата», именно этому учреждению отводилась одна из ключевых ролей в области внедрения в экономику СССР элементов той самой японской системы «канбан», с чего было решено начать преобразование социалистической экономики... Нет, специальные программы разрабатывались практически в каждом наркомате, а общее руководство планировалось возложить на ВСНХ, всё так же возглавляемое Орджоникидзе, который, впрочем, потерял значительную долю своей власти и влияния, потому что из состава ВСНХ в настоящий момент были выделены аж девять новых наркоматов – от народного комиссариата машиностроения и до наркомата промышленности строительных материалов²². Но у всех этих организаций было множество и других задач, которые с них никто не снимал. Так что очень уж сильно сосредотачиваться на организационных вопросах, связанных с внедрением новой системы организации труда, они были априори неспособны. А вот ЦИТу всё это было, считай, по профилю. Ну кому ещё этим заниматься, как не организации, именуемой Центральным институтом труда? Во-от! Поэтому именно на него и были возложены как методическое обеспечение этой задачи, так и функция контроля. Ну, чтобы молодая, но уже вполне опытная советская бюрократия ничего не замотала и не похоронила за кучей отписок... Однако, как выяснилось, для этого надо было сначала убедить в том, что всё это не только нужно, но и хотя бы возможно, самих сотрудников этого института. И кто, по мнению Сталина, мог бы справиться с этим лучше, чем человек, который единственный во всём этом времени реально убедился в том, что предлагаемая система не только работает, но и сумела вывести нищую и обделённую как ресурсами, так и технологиями, с городами, превращёнными в массивные бомбардировки и атомными бомбами в щебень и выжженную пустыню послевоенную Японию в технологические лидеры мира? Вот Алекса и бросили, так сказать, на эту амбразуру... Впрочем, в настоящий момент он стал подозревать, что это было не столько задание, сколько, так сказать, страшная месть Иосифа Виссарионовича. Ну за весь тот геморрой, который он регулярно вываливал ему на голову. Ибо знать будущее, как выяснилось, оказалось слишком тяжело. Потому как все те совершенно понятные и логичные теории, согласно которым Советский Союз вроде как вполне себе успешно строил своё великое будущее, раз за разом неизменно приводили его к краху... И за те полторы недели, в течение которых парень каждый день, как на работу, приходил в этот институт и общался с его сотрудниками, он успел наряду с весьма здравыми мыслями послушаться та-а-акого бреда. Причём высказывалось всё это во вполне себе марксистской риторике и терминологии... А с другой стороны – ничего нового. Потому что вера «продвинутых» жителей Страны Советов в марксизм и советскую власть была очень похожа на веру «продвинутых» жителей позднего СССР в демократию или не менее «продвинутых» жителей независимой Украины в святую и мгновенно решающую любые проблемы как страны, так и каждого отдельного её жителя Евроассоциацию. Так что всё было как всегда... Но непосредственно с директором института Алекс познакомился только сегодня. Дело в том, что Алексей Капитонович, кроме всего прочего, ещё и являлся председателем Всесоюзного комитета по стандартизации и как раз перед самым появлением парня в его, так сказать, вотчине убыл в служебную командировку в Прагу. Где располагалась штаб-квартира Международной ассоциации по стандартизации²³. И сегодня как раз был его первый рабочий день после возвращения. Потому и разговор у них состоялся такой... нервный. Похоже, Гастеву с утра уже успели пожаловаться, что какой-то левый «варяг» баламутит воду и «очень мешает

²² В реальной истории ВСНХ сначала в 1932 году был преобразован в Наркомат тяжёлой промышленности, из которого в 1936 году был выделен Наркомат оборонной промышленности, в 1937 году – машиностроения, а в 1939 году вообще разделён ещё на семь наркоматов. Здесь немного другая реальность.

²³ Создана в 1928 году. В настоящий момент вместо неё создана Международная организация по стандартизации (ISO).

работать». Ну, сами же знаете лучшую отмазку бездельников и тех, кто привык к тухлому болоту однообразной рутины и не хочет делать ничего помимо того, к чему давно привык и приспособился...

Эрика уже была дома, так что Алекс сразу, с порога, попал в объятия жены.

Год своей личной войны с Гитлером, которую девушка ещё и вела в состоянии перманентного отчаяния от регулярно возвращающихся мыслей о допущенной ею чудовищной ошибке, стоившей жизни её сыну, и постоянно натываясь на не то что непонимание, а на реальную враждебность окружающих, кое-что поменял в ней. Если не в её характере, то, как минимум, в приоритетных устремлениях и в отношении к людям и миру. Она стала более... не то чтобы спокойной, скорее ценящей, так сказать, простые радости – любовь близких, тёплый дом, смех ребёнка. Из неё практически ушла та непреклонная и даже немножко высокомерная пафосность, которая раньше нет-нет да и проскальзывала. Особенно после того, как Алекс, выбрав момент, показал ей фотографии того куска мяса, в который её превратили кованые сапоги штурмовиков после того, как она попыталась убить Гитлера.

Это произошло уже после того, как они вернулись в СССР. Всю дорогу Эрика практически не отлипала от мужа и сына, даря им не просто всё внимание, а всю себя, стараясь не то что доказать им, как она их любит, а, скорее, с их помощью забыть о том кошмаре и ужасе, в котором она пребывала весь прошедший год. И только когда они добрались до Ленинграда, её немного отпустило. А после того как они наконец-то заселились в тот же самый особнячок, который занимали в прошлый раз, Эрика, можно сказать, окончательно выдохнула. Именно тогда Алекс и решил, что фотографии можно показать. Хотя бы для того, чтобы у жены никогда больше не возникло мысли положить всю свою жизнь, без остатка, на алтарь долга. Нет, он теперь был полностью согласен, что долг должен присутствовать в жизни каждого человека... Потому что «я просто живу» это же не для человека! Лопух вон или там таракан тоже вполне себе «просто живут». И что? Они – тоже «люди»? Но отвергнуть ради этого любовь, детей, своё право на счастье и жизнь – это всё-таки перебор. Не война же... Вот он и решил попытаться сделать Эрике с помощью фотографий такую «прививку от максимализма».

Фотографии своего обезображенного трупа девушка рассматривала минут десять, время от времени бросая взгляд на лежащее на диване платье, в которое этот труп был одет. Ну да, именно в нём они и покинули Берлин. Все остальные вещи девушки остались на её съёмной квартире, заезжать в которую и Алекс, и Зорге посчитали опасным... После чего подняла взгляд на Алекса и тихо попросила:

– Сожги их. Не хочу ещё когда-нибудь видеть себя такую. – После чего грустно усмехнулась и произнесла: – Всё, будем считать, что для страны я сделала всё, что могла. Теперь на мне остался только долг жены и матери.

Невозможно оценить, насколько великое облегчение испытал Алекс, услышав последнюю фразу...

– Есть будешь? – поинтересовалась Эрика, когда отлипла от мужа.

– Да! Так проголодался, что слона готов съесть, – пошутил парень.

– Ну, со слонем пока сложности, но пельмени уже готовы. Иди в столовую.

Быстро накрыв на стол, она присела рядом.

– Как ты любишь – с бульоном.

– А сама? – поинтересовался Алекс.

– Я уж поела. Кто же знал, что ты сегодня так рано появишься? А то бы дождалась.

– Сегодня вернулся Гастев... ну, директор. И взял меня в оборот. А ещё он хотел меня и на вечернюю планёрку оставить. Но я с неё сбежал.

– Совсем тебя загоняли, бедненький, – рассмеялась Эрика. После чего окинула его шаловливым взглядом и проворковала: – И у меня сегодня на вечер тоже на тебя кое-какие планы. Раз уж муж пришёл домой пораньше и не таким вымотанным...

На следующий день «каторга» Алекса в ЦИТе была прервана вызовом в Кремль. Посыльной на автомобиле застал его уже перед самым выходом из дома. Так что пришлось возвращаться в кабинет и звонить Гастеву, извиняться за сорванные договорённости. Впрочем, возможно, это даже было и к лучшему. Из вчерашнего разговора выяснилось, что никаких материалов по «канбан» директор пока не читал и его отношение к этой теме, с которым он встретил парня, было сформировано на базе жалоб его сотрудников. Но после общения с Алексом он понял, что на самом деле всё, как минимум, не так однозначно. Вот и будет ему время почитать и ознакомиться лично. Ну, чтобы при их последующих встречах собеседник Алекса был хотя бы немного более в теме...

Сталин принял его один. Тепло поприветствовав гостя, он указал ему на стул, стоявший у длинной части Т-образного стола, а когда Алекс его занял, присел рядом, на соседний стул, как бы подчёркивая этим, что разговор пойдёт на равных. Он вообще последнее время заметно изменил отношение к «гостю из будущего». Раньше парень ощущал нечто вроде... снисхожденности, что ли, а то и некоторого пренебрежения. Мол, что ты там можешь понимать, молодой глупец и буржуазный перерожденец. Не ярко выраженное, нет, скорее едва-едва заметное. Но было... Однако в этот раз Алекс, к собственному удивлению, ощутил, что подобного отношения больше нет. Наоборот, со стороны и Сталина, и Фрунзе стали множиться этикие мелкие знаки уважения. Ни глупостью, ни чрезвычайно развитым ЧСВ парень никогда не страдал, так что на одну доску ни с кем из своих визави он себя вследствие этого ставить и не подумал, но... было приятно.

Хотя в общем и целом Сталин совершенно не напоминал тот образ, который сложился у парня, когда он читал о нём там, в своей ныне уже несуществующей изначальной реальности. Ну не было в нём никакой кровожадности, вроде как присущей «исконному бандиту и налётчику и психически больному параноику», который испытывал непередаваемое удовольствие от мучений людей. Жёсткость – да, была. Причём временами переходящая в жестокость. И человеком, строго соблюдающим христианские заповеди, лидера Советской страны тоже назвать язык не повернулся бы. Но где их таких найти-то? Эвон, того же Островского почитайте: какие типажи описывает в своих пьесах – уникамы! Пост соблюдают, деньги нищим сотнями раздают, а чуть копни – уроды ещё те... Да что там Островский – Драйзер, Диккенс, Джек Лондон, Хемингуэй. Какого классика ни возьми – такие гады во власти описаны, что мама не горюй! Ан нет, нам, блин, все эти писатели не указ, наши правители точно всех уродистее и страшнее. Потому что и страна у нас говно, и люди ещё хуже. Да сами посмотрите – они даже сегодня, когда им «люди со светлыми лицами» всё по десять раз разжевали и в рот положили, всё равно, уроды такие, за Путина голосуют...

А может, дело было ещё и в том, что в этой реальности не случилось многое из того, что должно было весьма сильно ударить по психологическому состоянию Сталина. Не умер Фрунзе. Не убит Киров. Борьба за лидерство в партии, вследствие куда более ранней смерти Троцкого и успешно реализуемой регулярной информации из будущего, до сего момента шла куда как менее напряжённо, чем в изначальной реальности. Не покончила жизнь самоубийством жена. Более того, его Эрика с Надеждой Аллилуевой довольно близко приятельствовали. Вот Виссарионович и не ожесточился, как тогда...

– Александр, мы хотим снова обратиться к вам с просьбой, – начал Сталин.

Парень слегка напрягся. Подобные разговоры обычно заканчивались тем, что круг посвящённых в тайну контактов с будущим становился более широким. А ему это жутко не нравилось. Потому что он считал расширение этого круга чрезвычайно опасным. Причём теперь уже не столько для него самого, а для его семьи. Как бы там ни было, он за время своих вояжей в прошлое/будущее уже наловчился неким образом чувствовать опасность, а также приобрёл кое-какие реальные боевые навыки, которые позволяли надеяться на то, что он, ну, с учётом,

естественно, имеющейся поддержки и сопровождения, если не сможет выпутаться из опасной ситуации, то, как минимум, не попадётся живым в руки врагов. А вот с семьёй это не работало.

– Вы снова собираетесь расширить круг посвящённых? – настороженно уточнил парень.

– Да, – кивнул хозяин кабинета.

– И кто же это будет на этот раз?

Сталин несколько ехидно усмехнулся. Как бы предвкушая то, как он сейчас увидит собеседника. После чего почти торжественно произнёс:

– Бухарин.

– Кто?! – Алекс изумлённо вытаращился. – Но-о-о... он же вас это-о-о...

Сталин вздохнул.

– Да. Так и есть. Но понимаете, в чём дело, Александр. Нам сейчас до зарезу нужен настоящий экономист. Без него мы, начав двигаться в том направлении, в котором вы нас уже столь давно подталкиваете (тут Алекс слегка покраснел, а усмешка хозяина кабинета стала лукавой), точно наворотим массу проблем. Да уже наворотили, как показала принесённая вами информация... А Бухарин в этой области весьма неплох. К тому же, – тут усмешка Иосифа Виссарионовича превратилась в нечто вроде оскала, – мне понравилось, как он расправился со всеми этими предателями. Он меня удивил. Я-то считал, что он пусть и умный, но слабак, а он вон как сумел прижать этих уродов... К тому же, если Бухарин переметнётся к нам, мне не придётся окончательно «репрессировать», – это слово Сталин выделил голосом, тем самым бросив ещё один весомый «булыжничек» в, так сказать, огород Алекса, – довольно большой пул экономистов и финансистов. Тех же Кондратьева и Чаянова²⁴. «Бухарчик»²⁵ вполне сможет их взнуздать и заставить бежать в нашей упряжке. А без него, скорее всего, придётся действовать жёстко.

Алекс вздохнул. Ну Виссарионович – знает, чем надавить!

– Хорошо, – уныло произнёс он. – Надеюсь, вы больше никого посвящать в нашу тайну не планируете?

– Нет, есть ещё три человека. – Сталин поспешно вскинул руки, останавливая готового разразиться гневной тирадой собеседника. – Но с ними всё гораздо проще. Информация до них будет доведена перед самым вашим уходом, после чего они на год окажутся в полной изоляции от окружающих.

Алекс, уже успевший возмущённо вскочить на ноги, хмуро зыркнул на хозяина кабинета и нехотя сел на место. Его душило возмущение, усугубляющееся ещё и осознанием собственного бессилия. Ну вот что он может сделать, если не согласится, а ИВС всё-таки решит включить в круг посвящённых ещё троих человек, а? Ну, учитывая все обстоятельства... На некоторое время в кабинете повисла тишина, после чего парень решил переключить тему. Хотя бы чтобы немного самому успокоиться.

– А что там с порталом? Придумали, какие эксперименты нужно сделать?

– Кое-что. – Сталин вздохнул. – Очень трудно просить составить план исследований, не раскрывая ни цели экспериментов, ни его ключевых условий. – Он поднялся и, подойдя к сейфу, загремел ключами. После чего вернулся к столу с парой тоненьких папок, одну из которых сразу же протянул Алексу: – Вот, посмотрите, что предлагают.

Алекс взял протянутую папку и, раскрыв её, углубился в чтение.

В папке оказалась всего пара листков. Ну да исходные условия исполнителям явно были изложены крайне скупой и, похоже, воспринимались теми, кто составлял план исследований, скорее как некое умственное упражнение, нежели как реальный исследовательский проект.

---

²⁴ Поскольку в реальности книги позиции Сталина в ВКП(б) и стране, вследствие ранней смерти Троцкого и выгод «информационного сопровождения», осуществляемого главным героем, до «путча» были куда более прочными, автор предполагает, что никакого дела «Трудовой крестьянской партии» не было.

²⁵ Сталин долгое время дружески относился к Бухарину и называл его «Бухарчик» или «Николаша».

– М-да... – задумчиво протянул парень, закончив чтение. – Судя по вот этому, – он кивнул на папку, – исследование портала – задача не на одно десятилетие. Да и как-то это всё примитивненько выглядит. Кролик под мышкой, кролик на вытянутой руке, кролик на шее... как-то не хочется быть похожим на балаганного фокусника.

Сталин пожал плечами. Потом пыхнул трубкой. Затем бросил на Алекса испытующий взгляд, исподтишка улыбнулся и эдак нейтрально произнёс:

– Мы это приблизительно так и оценили. Впрочем, есть кое-какие проработки и по другим вариантам. Они, несомненно, намного более рискованны, но зато, при удаче, смогут очень солидно сократить время.

– И какие же? – тут же заинтересовался Алекс.

– Пока не готов говорить, – развёл руками Сталин. – Всё ещё на стадии прикидок, так что не хочу обнадеживать, – он улыбнулся. – Не волнуйтесь, мимо вас это всё равно никак пройти не сможет. Как будет что-то реальное – так непременно обсудим.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – Тогда вернёмся к вашим новым кандидатурам. Кто они? Как и где вы собираетесь их изолировать?

– С кандидатурами пока ещё не всё ясно. Мы их только подбираем. Когда определимся, я вам сообщу, – пояснил хозяин кабинета. – Но у меня есть к вам один довольно... щекотливый вопрос.

– Весь внимание! – сердито буркнул Алекс.

Сталин взял со стола вторую из принесённых папок и протянул Алексу.

– Это записка, которую написал академик Абрам Фёдорович Иоффе. Он – один из тех, кто был отобран для работы с привезёнными вами во время прошлого раза учебниками.

Алекс бросил на Сталина испытующий взгляд и, взяв папку, осторожно раскрыл её и погрузился в чтение...

Закончив с запиской, Алекс аккуратно закрыл папку и положил её на стол. Н-да... а что он ещё хотел? Если из всех материалов и учебников были тщательно вымараны всякие упоминания о ядерном оружии, то сама физика-то никуда не делась? И те, кто в ней разбирались, получив новую информацию, куда глубже раскрывающую физические основы этого мира, довольно быстро «вычислили» и всё скрываемое. Они ведь и в «той» истории со всем этим справились приблизительно в это же время (ну, плюс-минус пять-десять лет) и без всяких попаданцев...

– Ну, что скажете?

Алекс вздохнул. Ну а что тут можно сказать?

– Академик Иоффе абсолютно прав. Такое оружие у нас в будущем есть. И первое, впрочем, оно же и единственное, его применение состоялось как раз в конце той самой Второй мировой войны, которая нам предстоит.

– Хм, мы об этом догадывались, – усмехнулся Сталин. – Ну не конкретно о ядерной взрывчатке, но о чём-то куда более мощном, чем обычное оружие. Флагман Галер, которого мы ознакомили с вашим докладом о тенденциях развития военно-морского флота, то есть, конечно, с его адаптированной версией, ещё полтора года назад также написал записку, в которой утверждал, что заявление о том, что подводные лодки должны стать основной ударной силой флотов будущего, не имеет под собой оснований до тех пор, пока на них не будет установлено какое-нибудь намного более смертоносное оружие, нежели имеющееся в распоряжении военных флотов в настоящее время. А почему вы нам о нём до этого не рассказывали?

– Я боялся, что не смогу убедить вас пока не давать старт его разработке.

– А почему вы считаете, что этого не нужно делать? – нахмурился Иосиф Виссарионович.

– Потому, что даже сейчас у страны для этого недостаточный уровень развития. Нет производства нужных материалов – радиационностойких и радиоэкранирующих, более того, пока ещё нет технологий, позволяющих их создание. Просто уровень технологического развития

СССР в настоящий момент не позволяет даже начать подготовку к работам в этом направлении... Нет, исследования проводить можно, и даже нужно. Но они и так идут. Создатель советской атомной бомбы Игорь Курчатов сейчас вовсе занимается вопросами физики атомного ядра в Ленинграде... Ну, должен, если его тоже не отправили под Новосибирск. Просто рано ещё. Году в тридцать восьмом – тридцать девятом, может быть, и можно. Но не сейчас.

– Уж позвольте нам самим решать, что для Советского Союза рано, а что нет. – В голосе Сталина лязгнул металл. Алекс тоскливо вздохнул и пробормотал:

– Ну, вот именно это я и имел в виду...

В кабинете повисла настороженная тишина. Но спустя минуту его хозяин примиряюще улыбнулся и, наклонившись вперёд, потрепал Алекса по плечу.

– Ладно, не обижайтесь. Я думаю, вы действовали искренне и из самых лучших побуждений...

– Понимаете, – Алекс тяжело вздохнул, – атомная промышленность – это целая отрасль. Вам потребуется строить рудники, обогатительные заводы, да ещё заводы по производству весьма специфического оборудования для них, потом реакторы... Это – миллионы тонн перемещённого грунта, сотни тысяч тонн оборудования и десятки тысяч человек задействованного персонала. Как вы думаете, удастся ли сохранить этот проект в секрете от... – Тут Алекс запнулся, покосился в сторону окна, после чего закончил: – А ведь их уровень технологического развития в настоящий момент куда выше, чем у нас. И, даже начав позже, они вполне могут успеть нас обогнать и получить атомную бомбу уже к войне. Не надо сейчас затевать этот проект. Подождите, прошу вас.

Сталин нахмурился и, поднявшись на ноги, прошёлся по кабинету. Потом остановился у окна. Постоял, пыхая трубкой. После чего повернулся и снова подошёл к Алексу и задумчиво произнёс:

– В таком разрезе я об этом не думал... Хорошо, я, пожалуй, соглашусь с вами в том, что начинать этот проект прямо сейчас действительно преждевременно. Но вот подготовку к нему... Вы составите список необходимых материалов, а также требуемых профессий и технологий, которые понадобятся для этого проекта, но пока смогут быть развиты вне его рамок?

– Сделаю, – кивнул Алекс. – И по персоналиям подборку тоже. Ну, по тем, которые оказались ключевыми или хотя бы сильно полезными для этого проекта.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Иосиф Виссарионович. И парень облегчённо выдохнул...

Глава 5

– Добрый день, Александр Николаевич.

– Добрый-добрый, Александр Николаевич. – Алекс с Поскрёбышевым обменялись привычными улыбками, после чего «хозяин сталинской приёмной» кивнул в сторону двустворчатых дверей.

– Заходите, вас уже ждут.

Алекс аккуратно открыл дверь и вошёл внутрь. В кабинете его ждали двое. Сам хозяин и ещё один мужчина с усами и бородкой клинышком, вследствие этого, на взгляд парня, чем-то отдалённо напоминавший виденные Алексом фотографии Ленина. Мужчина немедленно впился в него напряжённым взглядом.

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, – улыбнулся Алекс, протягивая руку Сталину.

– Здравствуйте, Александр, – тепло произнёс тот, крепко пожимая руку, и, не отпуская ладони парня, повернулся ко второму гостю. – Вот, знакомьтесь – Николай Иванович Бухарин, светлая голова нашей партии.

– Рад знакомству, – вежливо кивнул Алекс, хотя на самом деле особенной радости от того, как и при каких условиях происходит это знакомство, у него не было. Ещё один «посвящённый» – это, так сказать, плюс двадцать пять процентов к вероятности раскрытия тайны. Ну и на хрен ему такой постоянный дебаф?

– Взаимно. – Бухарин нервно улыбнулся, потом сделал паузу и, снова искривив губы в напряжённой улыбке, с натугой пошутил: – Надо же – поздоровался с человеком из будущего. Теперь две недели точно руку мыть не буду.

– Не стоит пренебрегать гигиеной. Чистота – залог здоровья, – с не менее кривенькой улыбкой не удержался от шпильки Алекс. Наступившее неловкое молчание нарушил Сталин:

– Александр, я попросил тебя сегодня подъехать ко мне именно потому, что Николай Иванович хотел с тобой обсудить несколько вопросов. Ты не против?

Алекс ещё вчера вечером знал, что наутро ему предстоит общаться с Бухариным. Так что зачем Иосифу Виссарионовичу нужен был подобный словесный реверанс, парень не очень понял. Но, как видно, в нём был какой-то свой глубокий смысл. Потому что Сталин никогда и ничего не делал просто так... Возможно, он посчитал необходимым лишний раз дать Бухарину понять, что отношения руководства СССР с «попаданцем из будущего» строятся, так сказать, на равных. И намекнуть, что у «попаданца» есть чем и как придать устойчивость подобной своей позиции... Впрочем, этот подход работал на Алекса в ничуть не меньшей степени, чем на Сталина со товарищи. Так что парень решил поддержать игру.

– Нет, конечно. – Алекс постарался улыбнуться куда более благожелательно, чем ранее. – Иначе бы я не дал согласия на расширение круга «посвященных»...

Бухарин снова бросил на него испытующий взгляд, после чего перевёл его на хозяина кабинета.

– М-м-м... Коба, мы будем разговаривать у тебя в кабинете?

– Как тебе будет удобно, Николаша, – усмехнулся Сталин. – Но я бы попросил вас перейти куда-нибудь ещё. У меня запланировано несколько встреч. Не хотелось бы их переносить... Если не хочешь никуда идти – могу предложить мою комнату отдыха. Там двойные двери, так что никто не помешает.

Бухарин ненадолго задумался, а затем решительно кивнул:

– Наверное, это будет лучшим вариантом. У меня тоже время ограниченное, а расспросить хочется о многом. И пока будем искать, где устроиться, – часть его потеряем...

В комнате отдыха Сталина Алекс уже бывал. Ну, когда они во время одного из прошлых тактов вместе с Иосифом Виссарионовичем рылись в архивах, разыскивая папку с материалами

о голоде начала тридцатых... Но с того момента её обстановка заметно изменилась. В отличие от прошлого раза, когда папки с распечатками валялись по всем свободным поверхностям, от небольшого стола до кресел и кровати, сейчас все они были аккуратно расставлены в несколько высоких металлических шкафов, запирающихся на мощные сейфовые замки. Впрочем, для Алекса эти шкафы также были не в новинку. Он уже видел их фотографии, когда разбирался с документами по «путчу». Правда, на тех фотографиях они выглядели искореженными и обугленными, вследствие того, что те, кто решил первым добраться до «личного архива Сталина», второпях попытались грубо их вскрыть. И тем привели в действие заложенные в сейфы термитные заряды... Впрочем, спешка была вполне объяснима. Уж больно состав «хунты» был разношерстным. И большинство из её участников вполне себе понимало, что устранением «группировки Сталина» борьба за власть не заканчивается, а только начинается. Вследствие чего тот, кто сумел бы заполучить в свои руки этот самый «личный архив Сталина», несомненно, заимел бы в будущей схватке с «соратниками» немало очень весомых козырей...

Зайдя внутрь, Алекс с Бухариным устроились друг против друга в двух глубоких креслах и некоторое время испытующе разглядывали друг друга. Потом Николай Иванович улыбнулся, причём на этот раз не нервно, а широко, искренне, так, что такой улыбке более всего подходил эпитет «обезоруживающе», и произнёс:

– Александр, прошу простить, если чем-то ненароком вас обидел или даже заставил понервничать. Клянусь – не желал ничего подобного. И – да, вы позволите мне вас так называть?

– Без проблем, – небрежно махнул рукой Алекс. – Итак, что бы вы хотели у меня спросить?

Бухарин снова улыбнулся.

– Знаете, вот теперь я окончательно убедился, что вы – именно пришелец из другого времени.

– Почему? – удивился Алекс.

– Просто у нас так не говорят – «без проблем», – пояснил Николай Иванович...

Одним из первых вопросов, который Бухарин попытался эдак аккуратно выяснить у Алекса, был всё тот же сакраментальный: «Почему Сталин?»

– Понимаете, Николай Иванович, не знаю, с какими материалами вы уже успели ознакомиться, – начал Алекс, – но должен вам сообщить, что очень скоро в Европе разразится новая мировая война. – Он сделал паузу и бросил на собеседника вопросительный взгляд. В том, что Сталин уже познакомил Бухарина с достаточно большим объёмом материалов, парень не сомневался. Это было ясно хотя бы по тому, что Николай Иванович ни на секунду не засомневался, что перед ним именно «пришелец из другого времени». Ибо его сентенция насчёт «окончательно убедился» прозвучала, скорее, как ожидаемая констатация факта, нежели как... м-м-м... нечто, развеивающее всё ещё имеющиеся сомнения. А подобная констатация факта означала, что и до их личной встречи он уже был вполне убеждён в том, что всё ему уже сказанное – правда и его собеседник и есть тот самый «человек из будущего». Ну и как это можно было бы сделать, не дав собеседнику Алекса изучить достаточно большой объём материалов из будущего? Причём в первую очередь из тех, что были предназначены для «посвящённых». То есть без специальной «чистки» и «вычитки» на предмет убиения «анахронизмов»...

– Да-да, кое-что я о ней читал, – согласно закивал Бухарин, – но не очень много. – Николай Иванович слегка замялся. – Если честно, я больше налегал на привезённую вами информацию по экономике, – тут Бухарин воодушевился. – Я просто поражён тем, с какими объёмами статистических данных у вас там умеют работать. Это же какое количество статистических контор требуется организовать и содержать...

Алекс улыбнулся.

– Не слишком-то и большое. Большую часть работы по сбору и обработке статистической информации выполняют компьютеры... э-э-э... это такие мощные электронные счётно-решающие машины, да ещё и объединённые в глобальную мировую сеть... Но вернёмся к поднятому мной вопросу. Так вот – скоро будет война. Жестокая. Страшная. В моей изначальной реальности эта война обошлась Советскому Союзу в двадцать восемь миллионов жизней.

Бухарин охнул и округлил глаза.

– Но мы её выиграли. И именно под руководством Сталина. – Алекс сделал паузу, бросил на собеседника строгий взгляд и твёрдо заявил: – С огромным трудом. Ну, это и по потерям понятно... И я не мог себе позволить рискнуть и положиться на кого-то другого. Даже если этот кто-то и мог бы *показаться* более предпочтительным. Потому что будущая война будет страшна не только чудовищными потерями. На кону будет стоять само существование не просто государства, а самого русского народа. И вообще славян. Потому что славянские народы будут объявлены неполноценными. Untermensch²⁶. Чья участь – большей частью быть уничтоженными, чтобы освободить «жизненное пространство» для более «полноценных» народов, а оставшейся частью – стать их рабами. Был разработан специальный «план Ост»²⁷, в процессе исполнения которого предполагалось «очистить» планируемые к заселению земли от более тридцати миллионов «неполноценных»²⁸. И это помимо всех военных потерь. Хотите знать, как именно они это делали?

Собеседник Алекса молча уставился на него совершенно больным взглядом. Похоже, что всё сказанное повергло его в настоящий шок. И парень продолжил:

– В марте сорок третьего два немецких карательных батальона, основной личный состав которых, кстати, составляли этнические украинцы, частью из числа пленных красноармейцев, но по большей части из числа бойцов бывшего Буковинского куреня ОУН, под предлогом борьбы с партизанами согнали всех оставшихся жителей белорусской деревни Хатынь, расположенной в шестидесяти километрах от Минска, в сарай, после чего обложили его соломой и подожгли. Люди сгорели заживо. Всего в этой деревне было убито сто сорок девять человек. Семьдесят пять из них – дети от двух лет.

– Это же невозможно... – ошеломлённо прошептал Бухарин. – Коба мне ничего такого... Алекс криво усмехнулся.

– И, должен вам сказать, что только в одной Белоруссии из девяти тысяч двухсот захваченных и сожжённых населённых пунктов почти пять тысяч триста в той или иной мере разделили участь Хатыни, будучи уничтожены вместе со всем или частью населения, – он вздохнул. – Гитлер – честный человек. О подобном он писал ещё в давно изданной в Германии «Майн кампф». Ну, когда обосновывал свою претензию на жизненное пространство для немецкой нации... А перед нападением на СССР, в марте сорок первого, выступая перед командованием вермахта, он прямо заявил нечто вроде: «Уничтожающий приговор коммунизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не станет нашим товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение. Мы ведём войну не для того, чтобы закон-

---

²⁶ Untermensch (нем.) – недочеловек. Кстати, этот термин был позаимствован нацистами из книги американского расового теоретика Лотропа Стоддарда.

²⁷ Впервые документ с подобным названием был разработан ещё в 1940 году и предусматривал «освобождение» территории Польши, а при последующих уточнениях и оккупированных областей СССР от 75–85 % процентов проживающего там населения – поляков, евреев, белорусов, украинцев, русских, цыган, а также так называемых «mischlinge» (смешанных, полукровок). И хотя в плане предусматривались разные меры этого «освобождения», в том числе и типа «переселение в Западную Сибирь, на Северный Кавказ и в Латинскую Америку», пример белорусской Хатыни показывает, каким образом оно осуществлялось на деле.

²⁸ Данные цифры соответствуют 6-му документу, разработанному в рамках плана «Ост» в сентябре 1942 года плановой службой RKFDV. Документ имел объём 200 страниц и включал в себя 25 листов карт и таблиц.

сервировать своего противника... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего».

– Эта речь была где-то опубликована? – глухо спросил собеседник Алекса. – То есть я имею в виду, вы сейчас явно процитировали выдержки.

– Не помню, – отозвался тот. – И вы правы – я вам процитировал выдержки из неё, изданные в мемуарах начальника немецкого генерального штаба генерал-полковника Гальдера. Но, может быть, она была и опубликована полностью.

Бухарин вскочил на ноги и принялся нервно ходить по комнате. Алекс откинулся на спинку кресла и слегка прикрыл глаза. Раз уж этого разговора всё равно было не избежать, надо было постараться, чтобы он был наименее выматывающим. Так что пока собеседник не задаёт никаких вопросов, можно и немного передохнуть.

– Да... – внезапно произнёс Бухарин, резко остановившись, – да, да, вы правы. В этом случае совершенно недопустимо рисковать. Так что я понимаю и полностью принимаю ваше решение. Более того, я, несомненно, окажу Кобе... то есть Иосифу Виссарионовичу, самую полную и безоговорочную поддержку. – Он развернулся и, подойдя к креслу, вновь уселся в него, ещё раз и более твёрдо повторив: – Вне всякого сомнения!

Алекс кивнул в ответ.

– Но я вот о чём хотел вас ещё спросить. Вы употребили очень интересное выражение: «В моей изначальной реальности». Не расскажете, что значит эта формулировка?

– Дело в том, – вздохнул Алекс, – что каждый раз, когда я возвращаюсь в будущее, то это возвращение в новое будущее. Отличающееся от моего изначального. Например, в моё первое возвращение я попал в будущее, в котором Советский Союз проиграл войну. Так что смог на личном опыте убедиться, как выглядит тот самый «новый порядок», который Гитлер и его последователи для нас приготовили...

Встреча с Бухариным затянулась на три с половиной часа. Хотя перед её началом тот утверждал, что у него «часа полтора, максимум – два». Но и после трёх с половиной часов общения он всё равно прощался с Алексом с огромным сожалением. И горячо попросил о новой встрече, на которой хотел пообщаться «более подробно и плодотворно». Так что Алекс даже запросил пощады:

– Николай Иванович, я вам ничего не смог ответить и на половину уже заданных вами вопросов, а вы ещё и подробностей с меня требуете. Поймите, я – обычный человек, по образованию вообще химик, а не историк, не экономист, не социолог, не финансист, не специалист в области государственного управления, ваши же вопросы – в основном как раз из этих областей. Ну что я вам могу рассказать? Да только то, что узнал попутно, собирая материалы. Но в собранных материалах то, что вас интересует, представлено более подробно и в существенно больших объёмах. Так что вам будет куда полезнее потратить время на их изучение, нежели искать ответы в общении со мной. Я, увы, во многом дилетант. Это материалы по технологиям я ещё как-то более-менее читал. Потому что они были предназначены для непосвящённых и требовалось избавиться от «анахронизмов». А ту информацию, что шла напрямую Иосифу Виссарионовичу с Михаилом Васильевичем и Сергеем Мироновичем, я просматривал очень бегло. Так что и помню оттуда очень мало.

– Ну, не скажите, – улыбнулся Бухарин. – На мой взгляд, вы весьма компетентны во всём, о чём мы с вами разговаривали.

– Ага, – вздохнул Алекс. – Мне тоже так казалось. Вот только едва я позволяю себе хоть как-то влезть в эти сферы, как тут же всё сразу идёт кувырком и начинается такой трэш... – И он сокрушённо махнул рукой.

– Трэш? А, это по-английски... – Бухарин понимающе кивнул. – Я заметил, что у вас, в будущем, в речи много англицизмов.

Алекс пожал плечами. Собственно, не во всех из тех будущих, в которых он побывал, это был настолько выражено, как в его изначальном. Кое-где с англицизмами вполне конкурировали и «германизмы», и даже «русизмы». Но в его речи было именно так. Из-за этого его, кстати, регулярно принимали за выходца из Англии или САСШ, либо за человека, прожившего там достаточно долгое время. Впрочем, чаще всего ему это было только на пользу...

Через месяц, который Алекс по большей части провёл во всё том же Центральном институте труда, где дело наконец-то не только сдвинулось с места, но пошло весьма ходко, а частью в командировках по разным предприятиям, его опять вызвали в Кремль.

– Не знаю, что вы там рассказали Бухарчику, – усмехнувшись, заявил Иосиф Виссарионович. – Но более верного и деятельного соратника у меня, похоже, никогда не было. От «правой оппозиции» нынче только пух и перья летят, а «назначенцы»²⁹ уже, считай, распались.

Парень скромно усмехнулся.

– Рад, что всё так удачно получилось.

– Ладно, это наши внутрипартийные дела, – махнул рукой Сталин. – Я вот почему вас пригласил. Мы наладили производство оборудования для заводов по производству канистр. И готовы осуществить поставки для вашего предприятия. Так что вам нужно выехать в Швейцарию и заняться покупкой участка для строительства или уже готового производства для его перепрофилирования.

На информацию о таком вполне себе бытовом предмете, как обыкновенная канистра, Алекс наткнулся, ещё находясь в будущем. И понял, что нащупал золотое дно. Дело в том, что та самая канистра, к которой все так привыкли, на самом деле появилась не так давно. В тысяча девятьсот тридцать седьмом году. И являлась итогом инициированной командованием вермахта специальной программы по улучшению логистики. Дело в том, что используемые в настоящее время типы и виды канистр, вполне выполняя свою главную функцию – хранения не слишком большого по сравнению со стандартными ста пятидесяти девяти (да-да, тот самый пресловутый баррель) или двухсотлитровыми бочками объёма топлива, со всем остальным справлялись не очень. Их весьма, на взгляд Алекса, экзотические формы в виде куба, трапеции, неправильного прямоугольника или треугольной призмы, во-первых, не позволяли эффективно использовать пространство хранения, во-вторых, были крайне неудобны при переноске, в-третьих, были тяжелы и трудоёмки в производстве вследствие большого количества сварных или чеканных швов и зачастую требовали специальных ключей для крышек. Чем, например, страдала ныне весьма распространённая англо-американская канистра под названием «flimsy»... С логистикой у вермахта всё получилось как надо. Несмотря на довольно тонкий металл, благодаря выштамповкам на боковинах новые канистры можно было укладывать довольно высокими штабелями. Хорошо просчитанная форма позволяла максимально эффективно использовать имеющиеся площади складирования. Тройная ручка для переноски позволяла удобно перетаскивать канистры в разных конфигурациях – по две полных одним человеком, то есть по одной в каждой руке, одну полную – двумя людьми (скажем, если надо тащить на большое расстояние), или переносить в одиночку четыре пустых. Что со всеми другими канистрами, выпускающимися в начале тридцатых, было весьма проблематично... Короче – это был товар, являющийся настоящим королём рынка. И Алекс решил его украсть. Дополнительной «вишенкой на торте» являлась возможность заметно подкузывать вермахту, введя новую канистру в обиход в противостоящих немцам странах задолго до начала Второй мировой и ликвидировав тем самым существенное преимущество немцев в топливной логистике. Недавно немцы так старательно охраняли секрет новой канистры, что аж пустились вдогонку за американским инженером Полом Плейсом, который умудрился с помощью своего немецкого

---

²⁹ «Правая оппозиция» реальности книги это совсем не та «правая оппозиция», что была в реальности, а «назначенцы» – оппозиционная группировка в ВКП(б), придуманная самим автором.

коллеги умыкнуть целых три штуки подобных канистр с секретного склада в аэропорту Темпельхоф. Ну, когда стартовал из Берлина в свой автопробег до Калькутты. Плейса не догнали, хотя очень пытались, а вот его немецкий коллега, судя по всему, нарвался по полной...

– Понятно. Как скоро надо выезжать?

– Как будете готовы – так и езжайте. До вашего перехода ведь не очень долго осталось? Так чего тянуть? Но у меня есть ещё один вопрос. Как вы смотрите на то, чтобы привлечь госпожу До'Урден к разработке наших новых образцов автомобильной и тракторной техники?

– М-м-м, что? – не понял Алекс.

– Как выяснилось, ваша жена – очень неплохой художник, – пояснил Сталин. – Она даже участвовала в нескольких выставках, причём одна из них была персональной.

– Вот как... – тупо отозвался парень, совершенно не понимая, как художественные таланты Эрики связаны с чисто инженерной задачей по разработке новых образцов тракторов и автомобилей.

– Дело в том, что госпожа До'Урден, похоже, насмотревшись тех альбомов, что вы привезли в прошлый и в этот раз, начала рисовать, как она это назвала, «картинки из будущего». Не такого отдалённого, как ваше, – лет на десять-пятнадцать. И эти её картинки углядели некоторые преподаватели и слушатели Промакадемии. Среди которых оказался и товарищ Дьяков³⁰, которому они очень понравились. Более того, он утверждает, что просто влюбился в них.

– Хм. – Алекс задумался. Он видел, что Эрика явно несколько заскучала. Её деятельной натуре было недостаточно тихого семейного уюта и скромной должности редактора-переводчика. Ну да иначе бы она вряд ли заинтересовалась такими вещами, как мотоциклы, яхты и самолёты... Так что, возможно, новая деятельность придётся ей по нраву. Чем это им грозит? Да, в принципе, ничем серьёзным. Она же не собирается выезжать за пределы СССР? Да и кто ж её отпустит? После всего случившегося-то... И охрану ей точно выделяют. А что – вариант!

– К тому же ваша жена – единственный из художников, который будет иметь полный доступ не только ко всем материалам и рисункам, что вы привезли, – с ехидной улыбочкой произнёс Сталин, – но и, так сказать, абсолютный доступ «к телу» самого главного консультанта.

Парень хмыкнул, оценив шутку, и согласно кивнул:

– Хорошо, согласен. Но два условия!

– Слушаю, – посерьёзнел хозяин кабинета.

– Во-первых, она будет не просто художником, а руководителем специальной студии, можно в составе НАТИ³¹. Назовём её Студией эстетики и цве... – Тут он запнулся... В голову пришла мысль, что Харли Эрл, возможно, уже вовсю работает на «Дженерал моторс». И зачем тогда так откровенно подчёркивать свою вторичность? – Нет! Лучше «Студией технического дизайна».

– Не вижу никаких препятствий, – улыбнулся Сталин.

– И во-вторых, я хочу, чтобы она могла подписывать свои эскизы фамилией До'Урден.

А вот тут хозяин кабинета нахмурился. Фамилия До'Урден в СССР публично нигде не звучала. Только среди «посвящённых». Потому что было неосторожным наталкивать кого бы то ни было на связь между неким господином До'Урден и первым в мире государством рабочих и крестьян.

– Вы думаете, это будет разумным?

Алекс задумался. С одной стороны, у него свербело. Ему... ему *нравилась* эта фамилия. И когда настанет время им с Эрикой уходить в будущее, он хотел приложить все усилия для того, чтобы стать До'Урден и там. Да и Эрика также была к ней равнодушна. Особенно после

---

³⁰ Первый директор ГАЗа.

³¹ Научный автотракторный институт – такое название носил НАМИ с 1931 по 1946 год.

того, как он рассказал ей, откуда эта фамилия вообще взялась. А ещё он очень хотел, чтобы его жена снова стала хоть сколько-нибудь знаменитой. От славы «Че Гевары в юбке» он её, слава богу, избавил, но Эрика достойна того, чтобы остаться в памяти людей не только «хорошей женой и матерью». Так почему бы ей не прославиться в этом? С его помощью она точно станет таким «Сальвадором Дали» в области дизайна. Наверное... Но с другой стороны, все те резоны, из-за которых и было принято решение не «светить» в СССР фамилию До'Урден, также никуда не делись. И как быть?

– Я думаю, – медленно начал Алекс, – что определённая опасность в этом есть. Но, как мне представляется, есть способы сделать её минимальной.

– Может быть, – задумчиво кивнул Сталин. – Но я бы вам посоветовал сначала всё-таки посоветоваться с женой.

– Непременно! – согласно кивнул парень...

В Швейцарии он застрял почти до самого перехода. Бюрократическая система даже такой прогрессивной страны работала крайне неторопливо. Так что и процессы патентования, и процессы оформления собственности сильно затянулись. А учитывая, что помимо этого пришлось ещё и искать и нанимать персонал – главного инженера, технолога, мастеров, – без герра Циммермана он бы точно до марта не справился. Да и с ним пришлось изрядно побегать. В принципе, можно было и плюнуть! Денег у него в будущем хватало, считай, на всё. Но так то в будущем! А Алекс не исключал того, что захочет кое-что прикупить и в настоящем. Например, какие-нибудь драгоценности жене. Семейные. Или даже и нет, но с историей. Она же этого достойна, не так ли?.. А канистры – это верные деньги! Когда он изучал этот вопрос, то узнал, что уже к сорок пятому году в пользовании находилось более двадцати миллионов таких канистр. Да если даже с каждой ему «капнет» всего по одному швейцарскому франку прибыли – это ж такие деньжищи по местным меркам получаются... Да и СССР, которому он передавал лицензию в обмен на поставку оборудования для завода, тоже на этом должен будет неплохо подняться. И, до кучи, не будет тратить валюту на закупку канистр за рубежом. А то в той истории, которой уже не будет, их аж до пятидесятых годов за рубежом покупали...

Нет, неделю на то, чтобы смотаться в Союз и увидеться с семьёй, он перед отъездом выкроил. Но и только...

День перехода, уже вполне традиционно, принёс неожиданности. И, как обычно, неприятные. Ну, или, как минимум, напрягающие.

Всё началось с того, что уже вечером, когда практически стемнело, в дом ввалилось несколько человек во главе с Фрунзе.

– Михаил Васильевич, – удивлённо обратился к нему Алекс, – какими судьбами? Что-то случилось?

– Да нет, всё по плану, – широко улыбаясь, заверил его нарком. – Вот, привёз вам тех самых трёх человек, о которых вам говорил Иосиф Виссарионович.

– Каких трёх... – Алекс осёкся, припомнив разговор о людях, «информация которым будет доведена перед самым вашим уходом», а затем озадаченно уставился на них. Он совершенно не понимал, зачем этим людям доводить информацию о нём перед его уходом в будущее. Чего этим собирались добиться-то?

– Э-э-э... – неуверенно начал он, но Михаил Васильевич его прервал:

– Всю необходимую информацию им я уже довёл. Одежда на них изготовлена по вашим образцам. Необходимыми средствами в золоте и драгоценных металлах они обеспечены. Так что они готовы.

– К чему? – всё ещё не догоняя, тупо спросил парень.

– Отправиться с вами, конечно, – как само собой разумеющееся ответил Фрунзе. И, вздохнув, добавил: – Вы бы знали, как я им завидую...

– Но-о-о они же могут погибнуть? – растерянно произнёс Алекс. Народный комиссар СССР по военным и морским делам улыбнулся.

– Они знают это. И согласны рискнуть.

– Блин, а вот я не готов... – взвился Алекс, но Фрунзе остановил начавшийся бурный спич взмахом руки. После чего терпеливо заговорил:

– Александр, вы же знаете, что уже через пять лет начнется мировая война. Да и после неё мир сильно изменится. И нам нужно ещё очень и очень много сделать, чтобы встретить не только войну, но эти изменения максимально готовыми к ним. Чтоб сохранить страну. *Наши с вами* страну. И предлагаемое нами решение позволит очень сильно ускорить подготовку. Люди это понимают и готовы рискнуть. – Михаил Васильевич замолчал, а парень растерянно уставился на стоящую перед ним троицу. Первым стоял невысокий, плотный крепыш с круглым лицом и абсолютно лысой, гладко выбритой головой. Поймав взгляд Алекса, он уверенно улыбнулся. Вот, значит, что имел в виду Сталин, когда говорил о том годе, на который эти трое «окажутся в полной изоляции от окружающих». И вот о каких «проработках по другим вариантам» шла речь...

– Но-о-о... – несколько растерянно начал Алекс, разворачиваясь к Фрунзе, однако тот снова прервал его:

– И потом, посудите сами – тот план исследований, с которым вы знакомились и который вам, как мне сказали, не слишком понравился, рассчитан, как минимум, на десятилетие. Причём переход к экспериментам с участием людей там планируется только после трёх-четырёх экспериментальных переходов с животными. А ведь даже они не могут дать стопроцентной гарантии! Потому что с помощью экспериментов с животными мы не можем спрогнозировать, как портал будет взаимодействовать не просто с живой, но с разумной материей. То есть всё равно риск при первом эксперименте с человеком будет весьма велик! И мы считаем, что предлагаемый шаг, позволяющий резко сократить время исследований, стоит некоторого увеличения подобного риска.

Алекс насутился. Ну вот что за люди?! Его временами ставило в тупик отношение людей этого времени к жизни и смерти. Полярные экспедиции под девизом «головой в прорубь», рекордные перелёты «на самоваре на другой континент», рекорды метростроя на уровне «что раньше сдохнет – я или кессон» и так далее. Ну надо же иметь голову на плечах! Он развернулся, собираясь высказать категорическое «нет» затеваемой авантюре. Пусть количество посвящённых уже, и причём необратимо, увеличилось на трёх человек, но вести их на почти верную смерть...

– И потом, сами понимаете, если принять тот осторожный план исследований, ваша семья вряд ли успеет перейти не то что до начала Второй мировой войны, но и до захвата Гитлером Франции. А после него как поездки в Швейцарию, так и сам переход точно сильно осложнятся и станут для вас куда более опасными.

Алекс захлопнул уже открытый рот. Да, это был аргумент, на который ему было просто нечего ответить. Он снова покосился на троих «смертничков». Вздохнул. И кивнул.

– Хорошо, я согласен. Давайте попробуем...

Глава 6

– Что так крепко задумались, Владимир Кириакович? – Триандафилов вздрогнул и повернулся на голос. В проёме полукруглой арки, отделявшей крошечную оранжерею или, скорее, зимний сад, который Владимир Кириакович уже давно избрал на роль своего кабинета, стоял его собрат по-о-о... ну уж несчастьем всё, что с ними случилось, назвать точно было нельзя... так что, скорее, собрат по удивительному приключению – Ванников³². В руке Бориса Львовича курилась ароматом солидная кружка со столь полюбившимся ему «капсюльным» кофе. Ну, так его называл их, так сказать, «Вергилий»³³. Хотя, опять же, адом всю расстилающуюся вокруг них реальность назвать было категорически невозможно. Максимум чистилищем...

Для него лично всё началось во время вполне себе обыденного еженедельного доклада Фрунзе, во время которого Владимир Кириакович очередной раз попытался убедить народного комиссара по военным и морс... то есть, вернее, теперь уже, после переименования, наркома обороны СССР, в том, что немедленный переход РККА на новые, в настоящий момент всё ещё разрабатываемые и уточняемые его управлением уставы не только бесполезен, но ещё и вреден. Потому что степень оснащения войск новой техникой и вооружением, которые предусматриваются новыми штатами, не просто нулевая, а скорее отрицательная. Да что там новые – и по старым штатам имеется серьёзный некомплект.

– Вот не понимаю я вас, Владимир Кириакович! – сердито отозвался нарком. – По-моему, очевидно, что чем раньше мы начнём, тем лучше. К тому моменту, когда штаты будут полностью укомплектованы, нынешние командиры взводов вполне уже могут стать командирами батальонов, а то и полков. А нынешние комбаты – комдивами и комкорами. Так что если мы уже сейчас не начнем учить командиров грамотно управлять новым вооружением, то толку от него будет мало.

– Учить надо, – согласно кивнул Триандафилов. – Но для того, чтобы учить, надо иметь то, на чём можно учить. Вот, скажем, у нас по новому штату в полковом звене имеется зенитно-пулемётная батарея из восьми буксируемых спаренных крупнокалиберных зенитно-пулемётных установок. Что потребует от нас около шестисот установок только на пехотные части. Между тем план на этот год – всего сто шесть. Из них, насколько я знаком с планами ГАУ, шестьдесят уходят флоту, четырнадцать – на снабжение только что принятых на вооружение и в настоящий момент ещё находящихся в производстве зенитных бронеплощадок, восемнадцать передаются в военные училища по подготовке офицеров-зенитчиков и во вновь сформированные школы младшего комсостава зенитных подразделений. Восемь пойдут в экспериментальную батарею, на базе которой и будут отрабатываться штаты и тактика применения полковых зенитно-пулемётных батарей. Ещё четыре запланированы для курсов «Выстрел». Так что даже если промышленность полностью выполнит годовой план... – тут Владимир Кириакович сделал очень многозначительную паузу, а Фрунзе поморщился: ну да, ни один годовой план военная промышленность пока что в срок не выполнила, – то для войск у нас останется всего две единицы. – Он замолчал.

Михаил Васильевич досадливо прикусил ус и тяжело вздохнул. После чего произнёс не слишком понятную фразу:

---

³² Советский государственный деятель. Один из первых трижды Героев Социалистического Труда. Во время войны был наркомом боеприпасов. В 1945–1953 годах – начальник Первого главного управления при СНК СССР, занимавшегося созданием советской атомной бомбы.

³³ Древнеримский поэт. В знаменитейшей поэме Данте Алигьери «Божественная комедия» выступает в роли проводника главного героя, ведущего его через ад и чистилище.

– То есть для того, чтобы использовать обшитые фанерой макеты танков, нужно хотя бы иметь то, что обшивать... – После чего решительно произнёс: – Хорошо, ваши предложения.

– Не ранее чем через полтора-два года, – коротко ответил Триандафилов. – К тому моменту у нас, например, по тем же зенитным подразделениям будет наработанный опыт экспериментальной батареи, а также мы будем иметь некоторое количество младших и средних командиров, прошедших полноценное обучение по новому вооружению. И, я надеюсь, промышленность сможет дать нам нового вооружения в количестве, при котором мы сможем сформировать хотя бы несколько полноценных полков нового штата разных родов войск, а как минимум в четверти остальных сформировать хотя бы зенитные секции из пары установок.

– А почему обязательно из пары?

– А это чтобы командиры сразу приучались воспринимать зенитчиков как полноценное подразделение, а не как один пулемёт, который непонятно куда приткнуть, поэтому «пусть он постоит вон там, чтобы не потерялся и глаза не мозолил».

Фрунзе ненадолго задумался, после чего спросил:

– Но в общем новые уставы готовы?

– Не совсем, – осторожно ответил Владимир Кириакович.

– То есть? – удивился нарком.

– Вот. – Триандафилов раскрыл папку. – Это предложения нашей группы. Мы предлагаем провести двухэтапное внедрение новых уставов. Первый, м-м-м... пул документов, – тут заместитель начальника штаба использовал новомодное словечко, появившееся в обиходе Владимира Кириаковича именно с подачи Фрунзе, – планируется ввести в действие через два года. И эти изменения будут хотя и вполне революционны, но достаточно ограничены. Именно вследствие того, что к тому моменту мы всё ещё будем испытывать значительный дефицит вооружения, средств связи, разведки и средств инженерного обеспечения, производство которых в лучшем случае сейчас только разворачивается, а по кое-каким позициям и вообще ещё только выданы технические задания. То есть в этих промежуточных штатах у нас будут присутствовать практически все новые подразделения, предусмотренные окончательными новыми штатами, но в крайне ограниченном составе. То есть там, где по окончательному штату у нас имеется отделение, будет один расчёт, где батарея – секция, где дивизион – огневой взвод или в лучшем случае батарея. Ну и так далее. – Владимир Кириакович развёл руками. – Увы, в условиях столь недостаточного финансирования мы просто не способны...

– Я знаю, – несколько раздражённо оборвал его Фрунзе. – Но до конца второй пятилетки³⁴, увы, ничего радикально не поменяется. На политбюро принято решение в первую очередь развивать гражданские отрасли. По военным в приоритете – РККФ, да и то потому, что корабли строятся долго. По армии же решено пока тиражировать уже принятые на вооружение образцы, а по новой технике сосредоточиться на научно-исследовательских и опытно-конструкторских программах. Массовое же насыщение РККА новыми образцами планируется уже в третьей пятилетке.

Триандафилов всё это знал, так что не стал ни спорить, ни задавать новых вопросов. Тем более что кое-что для армии всё-таки делалось. Например, недавно запустили в производство очень неплохой лёгкий гусеничный артиллерийский тягач, оснащённый новым двигателем, производство которого было только-только освоено на ГАЗе³⁵. Несмотря на то, что он считался лёгким, на испытаниях тягач вполне себе «тянул» всю гамму дивизионной артиллерии, а при необходимости способен был утащить и корпусную, а то и кое-что из артиллерии особой мощности. Правда, далось ему это тяжело и то по более-менее ровной дороге, но спра-

---

³⁴ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР с 1933 по 1937 год.

³⁵ Аналог из реала – Я-13 (Я-12 с зисовским движком). Вариант книги имеет двигатель ГАЗ-11. На мой взгляд, для 1933 года – великолепная машина.

вился... А главное – он был относительно дешёвым, поскольку в конструкции были широко использованы автомобильные агрегаты, а ходовая часть была собрана из элементов ходовой части нового лёгкого танка, который как раз сейчас проходил обширные испытания. Так что и со снабжением запчастями, и с ремонтом и обслуживанием в строевых частях особых проблем не предвиделось. Также готовился к запуску в серию и полноприводный грузовик, причём разрабатывался он по «спецификациям» (ещё одно новое словечко от наркома), принятым для «армейского автомобиля снабжения». Впрочем, это была не столько чисто военная техника, сколько, так сказать, техника двойного назначения. Например, те же тягачи довольно широко планировалось поставлять ещё и геологам, и мелиораторам, и на лесозаготовки, а по поводу грузовиков и говорить нечего...

Самое же интересное произошло в самом конце этой встречи. То есть тогда, когда и с докладом, и с вопросами, возникшими в процессе его обсуждения, они уже покончили. Именно тогда Фрунзе и попросил Триандафилова задержаться, а секретарю дал команду принести чаю с сушками.

– М-м-м, Владимир Кириакович, – начал Михаил Васильевич, когда чашки с чаем и вазочка с сушками оказались расставлены на столе, а секретарь тихо исчез, прикрыв за собой дверь, – тут такое дело... – Он сделал короткую паузу и эдак с сомнением посмотрел на Триандафилова. Похоже, тема, которую он собирался затронуть, приводила его в некоторое смущение. – Короче, есть, м-м-м... возможность ознакомиться с, так сказать, «исходниками» тех материалов, на базе которых ваш отдел ведёт разработку наших новых уставов.

Триандафилов резко подобрался. Это было очень, просто чрезвычайно интересно. Он прямо умирал от любопытства, мучимый желанием узнать, кто и где смог посчитать «стандартный расход боеприпасов на погонный метр фронта в условиях широкого применения автоматического оружия», додумался до разделения соединения авиации на «группу расчистки», «группу подавления ПВО», «ударную группу», «группу прикрытия»? Где и на каком театре военных действий велись столь масштабные военные действия, что на их основе был сделан вывод о том, что «организация обороны на основе использования системы индивидуальных стрелковых ячеек является совершенно неприемлемой, потому что при массированном артиллерийском обстреле существенная часть бойцов впадает в предпаническое и даже паническое состояние, поскольку им начинает казаться, что вокруг уже никого нет, все соседи по отделению уже убиты, средства усиления уничтожены и они остались одни, вследствие чего стойкость подразделений в обороне резко падает? Где именно шла та война, во время которой происходили те самые «массированные артиллерийские обстрелы», на основании которых и были сделаны выводы о катастрофическом ухудшении психологического состояния солдата в стрелковой ячейке? Ибо, насколько он знал (а Владимир Кириакович старался максимально тщательно отслеживать все публикации в этой области), по итогам империалистической войны ничего такого сделано не было. Ну не вёл никто подобных исследований – ни в Германии, ни в Англии с Францией. Не говоря уж о всяких там Бельгиях и Япониях. Да и не практиковались во время той войны никакие стрелковые ячейки. На первом этапе война была маневренной, а на втором, позиционном, оборона строилась на базе сотен линий траншей, протянувшихся в глубину на десятки километров от линии фронта. Про Гражданскую и говорить нечего – не было там ни сплошной линии фронта, ни тем более массирования артиллерии... Это только сейчас возникли некие новомодные идеи насчёт того, что личная стрелковая ячейка лучше, потому что представляет из себя более малоразмерную и потому намного куда более сложную цель для отдельного артиллерийского снаряда. Хотя заместитель начальника штаба РККА считал это чушью. Как, впрочем, и большинство командиров РККА. Траншеи – лучше. Например, потому, что позволяют осуществлять манёвр силами и средствами под огнём противника, не входя в зону прямого поражения. Но проверять их в бою пока было негде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.